

The background of the entire cover is a photograph of a man and a woman in a hospital hallway. The man, in the foreground, has dark hair, a beard, and blue eyes, wearing teal scrubs. The woman, behind him, has long red hair and blue eyes, wearing light blue scrubs. The hallway has a blue tint and a heart rate monitor line at the top.

НЕИЗЛЕЧИМО
ВЛЮБЛЕННЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алёна Скиф

18+

МАША И МЕДВЕДЕВ

ПОСТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ
(НЕ) ПРЕДЛАГАТЬ

Алёна Скиф
**Маша и Медведев. Постельный
режим (не) предлагать**

<https://litres.ru/74584449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда после работы и учебы я пошла в ближайший бар отдохнуть, я совсем не ожидала познакомиться там со своим будущим боссом.

Вот только об этом я узнала намного позже, когда утром увидела его в больнице в качестве своего нового куратора.

Блин, как же так? И что мне теперь делать? Ведь вчера я его бросила и оставила ни с чем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	70
Глава 14	75
Глава 15	82
Глава 16	87
Глава 17	94
Глава 18	99
Глава 19	104
Глава 20	109
Глава 21	113
Глава 22	119
Глава 23	126

Глава 24	133
Глава 25	138
Глава 26	144
Глава 27	149
Г	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Алёна Скиф Маша и Медведев. Постельный режим (не) предлагать

Глава 1

— Такая красotka и одна? Скучаешь? — услышала я бархатный мужской голос за спиной и обернулась. Передо мной стоял незнакомец с харизмой, которая сводит с ума всех девчонок. Его белоснежная улыбка, лёгкая небритость и лукавый блеск в глазах сразу привлекли внимание.

Мужчина был в белой рубашке, которая плотно облегла его мускулистую грудь и плечи. Верхняя пуговица была небрежно расстёгнута, и из-под воротника выглядывала загорелая шея с цепочкой.

Мой взгляд невольно скользнул ниже, и я заметила, что его джинсы плотно обтягивали бёдра, а в самом центре явно что-то выделялось.

— Я не скучаю, а просто отдыхаю. День выдался тяжёлый, — мягко с некоторым безразличием ответила я и отвернулась. Романтические отношения мне сейчас были не нужны,

прежних хватило с лихвой. И вообще, у меня работа и учёба. А ещё собаки.

– Может познакомимся, – услышала уже со стороны и удивилась напору. Я вроде ясно дала понять, что разговор окончен, но видимо мой намёк понят не был. – Меня зовут Александр. А тебя как?

– Александр, я не хочу тебя расстраивать, но я уже ухожу, – я сделала последний глоток своего любимого коктейля, положила на стойку денежку и собралась уйти. Но мне не дали.

Мужчина накрыл мою ладонь своей и посмотрел в глаза.

– Давай поиграем в одну игру, – заигрывающим тоном предложил незнакомец.

– Что? – я нахмурилась и попыталась вытащить ладонь из-под его руки. Но он сжал мои пальцы и улыбнулся.

– Если я угадаю, как тебя зовут, ты со мной потанцуешь.

– Но... , – я закусила губу и хмыкнула. А что, я по сути теряю? Он ни за что не угадает как меня зовут. – Хорошо... но, что получу я, если ты проиграешь?

– Любое желание, – пожал плечами Александр, – все что захочешь.

– Любое? – загадочно спросила я и поерзала на стуле, – ну что ж хорошо. Давай поиграем.

Я еще не знала, чего я хочу от этого мужчины, но решила, что озвучу свое желание, как только выиграю эту игру.

– Еще один коктейль девушке, – Александр махнул рукой бармену и ко мне тут же прилетел новый бокал с коктейлем.

Я захлопала ресницами, немного испугавшись того, чем это может обернуться. Ну ладно, была не была. Сегодня сдала один из важных зачётов по общей хирургии, можно и расслабиться.

– Итак..., – загадочно произнесла я и хлопнула в ладоши, – первая попытка.

– Оо, кажется вечер перестаёт быть томным, – он усмехнулся и отпил немного коньяка из своего бокала, – тебя зовут... эммм... Аня?

– Неа, – покачала головой и отпила коктейль. Поправила короткое платье, которое еле прикрывало колени и смахнула волосы за спину. Хлопнула в ладоши и таинственным голосом произнесла, – вторая попытка.

– А ты загадочная и очень симпатичная девушка, – подмигнул мне Александр и подсел ещё ближе. Хотя мы и так сидели довольно близко. Настолько, что я ощущала запах его чистого тела и дорогого парфюма. Это были нотки сандала и кофе.

— Засчитать это за вторую попытку? – подмигнула я и облизала губы. Его кадык дёрнулся и он хмыкнул.

– Прости, погорячился. Исправлюсь, – прошептал мужчина и от этого его голоса мурашки побежали по спине. – Тебя зовут Катя?

– И снова мимо... – хихикнула я и закусив губу, посмотрела на напряженное лицо мужчины, – по-моему мне пора загадывать желание, которое ты решил исполнить, мой джинн!

– Подожди, крошка, – серьезное произнес Александр и сделал глоток из своего стакана, а потом с невероятной скоростью, чмокнул меня в губы, словно лимончиком закусил. Я даже испугаться не успела, как ощутила на губах приятное шоколадное послевкусие, – последний бой будет за мной.

Я усмехнулась и покачала головой, мысленно придумывая, что же мне загадать?

Может ночные покатушки по городу или... что-то эротическое? Судя по тому, как он резво меня поцеловал, он на наверное в этом деле мастер. Пока я размышляла, как гром среди ясного неба прозвучало мое имя.

– Маша.

Я резко вынырнула из своих мыслей и уставилась на мужчину. На лице его было написано целая смесь эмоций. От удивления, сомнения, до торжества.

– Что ты сказал?

– Тебя зовут Маша? – он прищурился и выставил палец вперед. - Точно. Маша значит. Хм... это было сложно, но ожидаемо. Запомни, крошка, я всегда выигрываю. Поэтому...

– Как? Как ты узнал? – возмущенно спросила я, все еще не веря в происходящее и в то, что мои желания можно теперь засунуть в дооооолгий ящик.

– Неважно, - повторил он, и его руки, крепкие и уверенные, обхватили мою талию. Легким движением он снял меня со стула, поставив перед собой так близко, что я почув-

ствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань рубашки. Его пальцы слегка впились в бока, и от этого прикосновения по спине побежали те самые мурашки, против которых я была бессильна.

– Мы идем танцевать.

Музыка в баре сменилась на медленную, тягучую композицию с томным саксофоном. Александр, не отпуская моей талии, повёл меня в полумрак маленькой танцплощадки. Мысли путались:

«Нужно уйти. Сейчас же. Это опасно».

Но ноги мне не повиновались. Он притянул меня к себе, и я почувствовала каждый изгиб его тела: широкую грудь, где сильно билось сердце, узкие бёдра и то самое настойчивое «выпирающее» свидетельство его интереса, которое теперь прижалось к моему животу. Отводить взгляд было уже поздно. Я чувствовала всё.

Мы двигались медленно, почти не шевелясь. Его ладонь скользнула с талии ниже, к пояснице, прижимая ещё сильнее.

Щекой я чувствовала лёгкую колючесть его щетины, а в ноздри бил тот самый пьянящий коктейль из сандала, кофе и чистой мужской кожи. От него кружилась голова сильнее, чем от коктейлей.

– Видишь? Я угадал. Теперь ты моя, – прошептал он губами у самого моего уха. Его дыхание обожгло кожу. Я молчала, пытаюсь собрать в кулак рассыпавшуюся волю. Он скло-

нил голову, и его взгляд остановился на моих полуоткрытых от тяжелого дыхания губах. Расстояние между нами неумолимо сокращалось.

Я ждала этого поцелуя.

Боялась его и желала одновременно. Он был логичным продолжением игры, её главным призом... или наказанием. Но в самый последний момент, когда его губы уже почти коснулись моих, я...

Глава 2

... резко отвернулась. Его поцелуй пришёлся на щёку, обжигающий и влажный.

– Хватит», – выдохнула я, и голос мой прозвучал хрипло и чужо. – Танец окончен. Ты свой приз получил.

Я сделала шаг назад, высвобождаясь из его объятий. На его лице мелькнуло искреннее изумление, быстро сменившееся тенью раздражения.

– Окончен? Милая, он только начинается, – он поймал мою руку, но я дёрнулась с такой силой, что он отпустил. – Давай не будем портить всё капризами. Вечер в разгаре.

– Мой вечер закончился, – твёрдо сказала я, пятясь к выходу. Паника, острый и трезвый адреналин, наконец пробилась сквозь чарующий туман. Собаки. Недоученный конспект. Завтрашняя смена в больнице. Реальность навалилась тяжёлым, спасительным грузом. Этот человек, эта игра, этот бар – они были красивой, но опасной сказкой. А у меня была своя, неидеальная, но моя жизнь.

– Маша, подожди! – его голос прозвучал властно и уверенно. Я не обернулась, почти бегом пересекая зал и выскакивая на прохладный ночной воздух.

За моей спиной хлопнула дверь, и я замерла, прислонившись к стене, чтобы перевести дух. Через пару секунд дверь распахнулась снова. Он стоял на пороге, без пиджака, с ли-

цом, на котором читались недоумение и злость.

— Убежать от меня решила? — спросил он, и в его тоне все еще слышалась томная игривость.

— Мне пора домой, — кивнула я, отходя к краю тротуара. — Игра закончена. Ты выиграл танец. Я выиграла... свою свободу. Всё честно.

— Идем. Я подвезу тебя домой, — он достал из кармана ключи от дорогой иномарки, стоявшей у обочины, и брелок коротко мигнул огоньками. — К себе... Или к тебе. Куда захочешь. Давай не заканчивать такой чудесный вечер на полутоне.

Он подошел ближе, и в его глазах снова зажглись те самые хищные искорки, которые так сводили с ума менее разумных девушек. Он был уверен, что это лишь кокетство. Еще минута — и я «растаю».

Мысль об утреннем обходе, о хирурге Львове, который терпеть не мог опозданий и любил задавать каверзные вопросы по ночным историям болезней, ударила по сознанию как ушат ледяной воды. Это была не просто обязанность. Это была моя жизнь, моя стезя, куда важнее любого мимолетного приключения с самоуверенным красавчиком.

Я посмотрела на его протянутую руку, на его ожидающую улыбку, и вдруг мне стало почти жаль его. Такой красивый, такой уверенный в своей победе. И такой непроходимо глупый в этой уверенности.

Идея, острая и дерзкая, пронзила мозг, как скальпель. Я

улыбнулась – не той сдержанной улыбкой, что была раньше, а широко, почти вызывающе.

– Знаешь что, Александр... Ты действительно харизматичный. И настойчивый. Это... ценно, – сказала я, делая шаг навстречу, а не от него. Его взгляд вспыхнул торжеством. Он думал, что сломал мою защиту.

Я сунула руку в карман легкого пальто, будто что-то ища.

– Давай сыграем в последнюю игру. На удачу.

Я достала блокнотик для записей и ручку – верные спутники студента-медика.

– Что за игра? – заинтересованно приподнял он бровь и мягко убрал прядь волос с моего лица. Я отпрянула от такого дерзкого и неуместного интимного жеста.

– Я оставляю тебе свой номер. Вот только там одна цифра будет неправильной. Если повезет – и ты угадаешь ее, и я отвечу. Значит судьба. Если нет... значит, нам не по пути.

Я быстро, с наигранной таинственностью, что-то нацарапала на маленьком розовом стикере, свернула его и протянула ему.

Он взял бумажку, и его пальцы ненадолго сомкнулись вокруг моих. В его глазах читался азарт. Он любил игры. А эта казалась ему новой уловкой, частью нашего танца.

– Ты сумасшедшая! Вариантов так много, что я никогда не угадаю твой номер. Это не похоже на честную игру, скорее на шутку.

– Верно, – сказала я тихо, выдергивая руку. – Это не иг-

ра. Это мой ответ. Ты хотел танец – ты его получил. Хотел загадку – вот она. Доброй ночи, Александр.

Я развернулась и пошла прочь быстрым шагом, нащупывая в сумочке телефон, чтобы вызвать такси. Я не оборачивалась, но спиной чувствовала его взгляд — тяжёлый, обожжённый обидой и недоумением.

Я проснулась от яростного визга будильника с ощущением, что голова вот-вот расколется пополам. Вчерашний коктейль и адреналин аукнулись тупой болью в висках. Выпив таблетку и быстро приняв душ, я влетела в автобус, молясь, чтобы не опоздать на утренний обход.

В раздевалке отделения общей хирургии пахло антисептиком и свежевыглаженной тканью. Наспех накинув белый халат, я присоединилась к сонным студентам, собравшимся в коридоре.

У ординаторской уже собралась толпа молодых ординаторов. Царила нервная, приглушённая тишина. Старый добродушный куратор уехал на конференцию, и ходили слухи о временной замене — каком-то «звездном» хирурге из частной клиники.

Дверь ординаторской открылась.

– Доброе утро, – раздался голос, ледяной, отточенный и не оставляющий места для сомнений в том, кто здесь главный.

Мой взгляд поднялся, и мир вокруг замер.

Перед нами стоял Александр, мой вчерашний поклонник. Он был одет в белоснежный халат, под которым виднелся

безупречный крой дорогой рубашки. Взгляд его был холодным и оценивающим, без тени вчерашней игривости. В нем читалась лишь профессиональная строгость. Это был уже не просто Александр, а Александр Алексеевич Медведев — хирург общей практики и наш куратор.

Он бегло, как скальпелем, провёл взглядом по нашей шеренге, задерживаясь на бледных лицах, невыспавшихся глазах. Его речь была чёткой, как протокол операции.

– Меня зовут Александр Медведев. На ближайший месяц я ваш куратор. Я терпеть не могу самодовольства, опозданий и глупых вопросов. Ваша работа – учиться, моя – следить, чтобы вы это делали безупречно. Первое, что нужно выучить на моих обходах это не болтать, не переминаться с ноги на ногу и думать, прежде чем открыть рот. Всё ясно?

В горле пересохло. Кровь отлила от лица, оставив звенящую пустоту в ушах. Я старалась раствориться в толчее белых халатов, сделать лицо каменным. Он медленно шёл вдоль строя, сверяя что-то в планшете, отдавая тихие распоряжения медсестре, следующей за ним хвостиком.

И вот он остановился прямо напротив меня. Его взгляд, холодный и пронзительный, скользнул по моему лицу, задержался на моих широко раскрытых глазах. На его непроницаемом лице ничего не дрогнуло. Никакого узнавания. Только тонкая, едва уловимая усмешка тронула уголок его строгого рта – настолько мимолётная, что я могла принять её за игру света.

— А студентка... — он остановился, будто подбирая слова, и его голос стал тише, как будто он говорил только для меня. — Не советую появляться с таким потерянным выражением лица во время моего обхода. Вы что, не выспались или гуляли всю ночь?

— Я...

— Надеюсь, вы изучили историю болезней пациентов, иначе можете собирать вещи и переводиться в другое отделение.

Глава 3

В другое отделение? Что? Да он сошел с ума!

Слова застряли у меня в горле комом. Медведев кивнул, дав команду к движению, и наш поток ринулся за его белым халатом. Так началась наша личная маленькая бойня

Александр Алексеевич Медведев не просто стал моим куратором. Он стал моим персональным испытанием, причём с явным уклоном в садизм под соусом профессионального роста. Каждый его обход превращался для меня в квест на выживание.

– Студентка Красавина, к больному в седьмую палату. Хроническая язва, осложнённая стенозом. Ваши рекомендации? – его голос, холодный и ровный, прорезал воздух в самый неподходящий момент.

Весь наш студенческий «строй» замер. Все взгляды, полные смеси страха и любопытства, устремились на меня. У меня в ушах зазвенело от внезапного прилива адреналина.

Я сделала шаг вперёд, чувствуя, как от волнения вспотела спина и майка намертво прилипла к коже. Соберись, Маша.

Глубоко вдохнула, что закружилась голова, и заговорила, цепляясь за вызубренные до автоматизма фразы.

— Нужно срочно обследовать пищевод, чтобы понять, насколько он сузился и можно ли его расширить, – начала я, и голос прозвучал странно чужим. – Параллельно – капель-

ницы, чтобы восстановить баланс жидкости. И снизить кислотность желудка, например, омепразолом. Контролировать анализы крови, сделать УЗИ. Если за два дня не станет лучше – готовить к операции.

Я закончила и едва заметно выдохнула, встретившись с его взглядом. В глубине его холодных, серо-стальных глаз что-то мелькнуло. Мда... это было не одобрение. Скорее... оценка. Как будто я сдала базовый тест.

— Верно, – произнёс он. И сделал паузу. Такая крошечная, но смертельная пауза, в которой моё сердце успело взметнуться к самому горлу. – Технически.

Это слово он произнёс с особой, леденящей интонацией. От неё по спине побежали не мурашки, а лёд. Он медленно обвёл взглядом нашу группу, делая из меня наглядное пособие для всех.

— А где ваша голова, студентка Красавина? – спросил он, и его голос стал тише, но от этого только опаснее. – Вы лечите болезнь или живого человека? Этому пациенту – шестьдесят восемь. У него сахарный диабет и больное сердце. Как ваши капельницы и таблетки действуют на его почки? На его сосуды? Вы уверены, что у него нет аллергии на ваш безупречный омепразол? Вы вообще смотрели его полную карту или просто выдали то, что написано в учебнике для идеального больного, которого не существует?

Каждое его слово било точно в цель, как удар скальпеля. Щеки горели, а глаза застилала злость и стыд. Я знала про

диабет, но в панике сказала первое, что пришло в голову, а не то, что нужно было обдумать. Это и был его урок. Жесткий, при всех, но он показал, чего я боюсь больше всего – ошибиться.

Он не дал мне опомниться.

Следующим пациентом стала пожилая женщина после сложной операции на кишечнике. Потом – молодой парень с острым панкреатитом. Каждый раз – я, протокол, и его ледяное «технически верно», после которого следовал разбор моих ошибок, невидимых мне, но очевидных ему. К обеду у меня от напряжения болела спина и звенело в ушах. Он словно проверял меня на прочность, сбрасывая со скалы, чтобы посмотреть, отскочу ли я.

Апогеем этого кошмара стал день, когда я едва не убила пациента. Вернее, так это выглядело со стороны.

Я мчалась из лаборатории с экстренными анализами для реанимации, не видя ничего перед собой. Из-за поворота, вдруг появился мой бывший... эммм... гинеколог. Точнее, этого гениального врача, к которому очередь женщины занимали на год вперед звали Львов Арсений и мы с ним встречались целый месяц. Пока я не поняла, что я у него не единственная. Он встречался одновременно с тремя девушками. С двумя с нашего потока и с одной врачихой с его этажа.

Чтобы избежать лобового столкновения (и, возможно, смертного приговора, учитывая как я его бросила, он до сих пор точил на меня зуб), я резко рванула в сторону и влетела

в первую же открытую дверь.

Дверь захлопнулась.

Я, тяжело дыша, облокотилась на неё, прижимая к груди драгоценные пробирки. И только потом до меня дошло, где я оказалось.

Это был незнакомый мне кабинет. Маленький, аскетичный, заваленный бумагами и дисками с КТ. И в его центре стоял ОН. Нет. Только не он. Не может быть.

Вот сегодня точно не мой день.

Передо мной стоял Александр Алексеевич Медведев. Мой куратор и палач.

Без халата. Без рубашки.

Хорошо хоть в брюках.

Он только что, видимо, менял её — чистая, выглаженная, лежала на стуле. Его торс, который в баре я лишь смутно угадывала под тканью, теперь был передо мной во всей своей... клинической подробности. Широкие плечи, рельефный пресс, мощная грудная клетка — всё то, от чего у «девчонок сходила с ума харизма», оказалось не просто удачным кроем рубашки. Это была работа в спортзале, причём явно не для галочки. На его загорелой коже поблёскивала та самая цепочка.

Мы замерли. В тишине кабинета было слышно только тиканье часов и моё предательски учащённое дыхание. Я почувствовала, как по лицу разливается густой, пунцовый румянец, сгорая от стыда и неловкости.

Он не спеша повернулся ко мне. Ни тени смущения. Только всё та же холодная оценка в глазах, которая теперь скользнула по моей фигуре в помятом халате, по моему раскрасневшемуся лицу, и в его глазах промелькнула искорка. Та самая. Барная. Опасная.

— Красавина, — произнёс он своим обычным, ровным голосом, будто мы обсуждали историю болезни. — Первое правило при посещении кабинета старшего ординатора — постучаться. Или вы пропустили эту лекцию по этикету?

Я открыла рот, но звук не шёл. Только тихое, позорное мычание.

— Второе правило, — он сделал шаг ближе, и я невольно прижалась спиной к двери. Но в тесном кабинете он казался огромным. От него пахло не сандалом и кофе, а чистым телом и антисептиком. — Объяснить причину вторжения. У вас есть три секунды. Или я начну строить догадки. А моя фантазия, поверьте, после двенадцатичасовой смены бывает очень... живой.

Его губы дрогнули в намёке на ту самую улыбку, что была в баре. Насмешливую, уверенную и невероятно раздражающую. В моих руках звякнули пробирки.

— А-анализы! Для Соколовой в реанимацию! — выпалила я, протягивая их перед собой, как святой Грааль, способный защитить от этой нелепой ситуации. — Я... я просто... дверь была открыта!

Он медленно, слишком медленно, протянул руку и взял

у меня пробирки. Его пальцы, тёплые и уверенные, на мгновение коснулись моих холодных. От этого прикосновения по спине пробежал разряд.

— Принято к сведению, — сказал он, наконец отступая и давая дорогу к выходу. — А теперь, пункт третий: испариться. И, Красавина... в следующий раз дышите тише. Вы мне весь рабочий ритм сбиваете. А у меня, между прочим, ещё одна операция через полчаса.

— Операция! Соколова! Можно я...

— Нет! — Резко ответил он и отвернулся, — вы не будете мне ассистировать.

Глава 4

Я выскочила из кабинета, чувствуя, как жар со щёк спадает, оставляя после себя ледяное унижение.

«Вы не будете мне ассистировать».

Эти слова звенели в ушах громче любого будильника. Я бежала и старалась, очень старалась, чтобы слезы не брызнули из глаз. Мне было безумно горько и обидно. Я была одной из лучших в нашей группе и до этого Медведева, хирурги меня постоянно брали на операции.

А этот! Этот сноб, этот гад, – я не додумала мысль и остановилась как вкопанная. Резко развернулась и посмотрела на длинный белоснежный коридор. Где-то там в своей ординаторской этот судак надевал рубашка на идеально сложенное тело и скорее всего смеялся надо мной. Вот же... похоже это была месть за вчерашний вечер.

Да... Маша... вот это ты себя накрутила.

Через час, выглядывая из-за угла, я увидела, как он вместе с Васильевым — тем самым ординатором, который на экзамене по топографической анатомии перепутал печень с селезёнкой – уверенной походкой направился в сторону операционных. У меня в груди что-то ёкнуло от обиды. Несправедливо. Глупо. По-детски.

Я сжала кулаки, вздернула подбородок и направилась в сторону общей ординаторской.

Я провела вечер, зарывшись в истории болезней, пытаюсь заглушить это чувство обиды и несправедливости.

Но ночью больница живёт по своим законам. В два часа прозвенел телефон дежурной медсестры.

— Красавина, срочно в первую операционную! Привезли острый аппендицит с признаками начинающегося перитонита. Медведев уже там, ему срочно нужна пара рук, все остальные заняты!

Сердце ушло в пятки, а потом запрыгнуло в горло. Я сорвалась с места.

В операционной царила привычная стерильная прохлада и яркий свет. Пациент уже был под наркозом. Медведев, в стерильном халате и маске, стоял у стола. Его глаза над маской были такими же холодными и сосредоточенными.

— Наконец-то, — бросил он, не глядя на меня. — Анти-септик для рук, быстрее. Васильева стошнило обедом, лежит в палате под капельницей. Ирония судьбы, не находишь?

Я ничего не ответила, но мысленно возблагодарила тетю Катю из столовой за превосходный обед, на который я не успела.

Я молча начала готовиться, дрожащими от волнения пальцами натягивая перчатки. В операционной, кроме звуков аппаратуры, царила напряжённая тишина, которую нарушал только ровный гул вентиляции. Пациент лежал с закрытыми глазами, его лицо было бледным, но... знакомым. Очень знакомым. Я присмотрелась, и сердце ёкнуло.

Это был Витька. Мой сосед. Вечно пьяный металлист, чьи ночные репетиции с группой «Цементный Рассвет» сводили с ума весь подъезд. Тот самый Витька, который пару недель назад угрожал «врезать», когда я в очередной раз попросила сделать потише в три часа ночи. Ирония судьбы была настолько густой, что её можно было резать скальпелем.

Медведев заметил мою заторможенность.

— Красавина, вы с нами? Или уже мечтаете о сне?

— Это... мой сосед, – пробормотала я, отводя взгляд от знакомого лица.

— О, – произнёс он, и в его голосе послышалась лёгкая, ехидная заинтересованность. – Личные счёты? Надеюсь, это не повлияет на качество ассистирования.

— Нет, что вы, – поспешно ответила я, чувствуя, как под маской горит лицо.

Операция началась.

Медведев работал с убийственной точностью и скоростью. Его команды звучали коротко, как выстрелы. В операционной царила тишина, нарушаемая лишь тиканьем аппаратов, его спокойным дыханием и моим, участившимся от сосредоточенности.

И вот, в момент, когда он аккуратно выделял воспалённый аппендикс, случилось нечто неожиданное. Медведев, не отрывая взгляда от операционного поля, слегка повернул голову к медсестре.

— Сестра, включите что-нибудь... соответствующее. Чтобы

студентка не заскучала.

Медсестра, выглядевшая ошарашенной, неуверенно потянулась к небольшой колонке, подключённой к её телефону (для личного пользования в перерывах, что, конечно, было не по протоколу).

— Что включить, Александр Алексеевич? – тихо спросила она.

— Что-нибудь... тяжёлое. Металл, например.

В операционной повисла недоуменная пауза. Анестезиолог поднял бровь. Медсестра, пожимая плечами, что-то быстро нашла на своём телефоне. Через секунду из колонки полилась та самая, до боли знакомая музыка – хриплый вокал, грохочущие гитары, бьющие в литавры. «Цементный Рассвет». Любимая группа Витьки.

Я замерла с зажимом в руке.

— По-моему неплохая музыка, как вы считаете? – спросил Медведев своим ровным, ледяным голосом, накладывая лигатуру. – Ваш сосед, я полагаю, оценил бы. Зажим.

Я подала инструмент, пытаюсь не смотреть в его глаза, в которых, я была уверена, горела та самая насмешливая искра.

– Мне не нравится.

– Почему? Вы любите другую музыку? – продолжал он, делая следующий шаг. Его голос звучал серьезно, но в нем была скрытая насмешка. — Интересно, есть ли связь между тем, какую музыку любит человек, и состоянием его аппен-

дикса? Лигатуру.

Я подавала ему инструменты, а в ушах гремели гитары. Это было абсурдно и невыносимо смешно.

— Накладываем швы, – объявил он, когда дело дошло до завершающего этапа. В музыке как раз наступил пронзительный гитарный проигрыш. – Постараюсь, чтобы шов был гармоничнее этого соло. Хотя задача, признаю, сложная.

Когда операция была завершена, он отступил от стола и кивнул медсестре. Музыка выключилась. Наступила оглушительная, блаженная тишина.

— Всё, – сказал Медведев, снимая перчатки. – Надеюсь, саундтрек соответствовал случаю. Думаю, ваш сосед будет благодарен вам за спасенную жизнь и отстанет от вас. Иначе я верну ему его аппендикс... в самое неожиданное место, – склонился и его дыхание коснулась мочки моего уха.

Я улыбнулась, понимая, что этот черный юмор останется в этих стенах... между нами.

Его взгляд, тяжёлый и неумолимый, скользнул по моему лицу, задержался на губах, спустился к вороту халата, который от волнения растянулся чуть больше, чем нужно. Он снова посмотрел мне в глаза, и в его взгляде я прочла не вызов хирурга к студентке, а вызов мужчины к женщине. Тот самый, с того самого вечера... в баре.

— Завтра на обходе, – сказал он, отступая и разрывая это невыносимое напряжение. – Будем разбирать... послеоперационные осложнения. Самые неожиданные. Приготовьтесь.

А теперь идите и отдыхайте.

Глава 5

Я вползла на старый потёртый диван в дальнем углу ординаторской, прижавшись лицом к прохладной, пахнущей пылью ткани. Здесь обычно кипели страсти по футболу, а сейчас царила блаженная пустота. Веки налились свинцом. Последнее, что я помнила – звук собственного тяжёлого выдоха и далёкий гул холодильников в коридоре.

Меня вырвал из небытия не звук, а ощущение – резкий толчок в плечо, заставивший вздрогнуть всем телом.

— Маш! Эй, Спящая красавица! Ты жива? – Надо мной склонилось встревоженное лицо моей одногруппницы Ани, её карие глаза были широко раскрыты. – Подъём, срочно! Ты что тут впала в кому? Обход через пять минут! Медведев уже вышел из кабинета и выглядит... ну, сама знаешь как!

Я вскочила так резко, что мир поплыл. Сердце забилось где-то в горле, сухо и часто. Голова была тяжёлой, ватной, мысли путались, накладываясь одна на другую, как бессмысленные слайды.

— Что... который час? – проронила я хрипло, наскоро поправляя съехавший набок халат и пытаюсь сгрести растрёпанные волосы в подобие хвоста.

— Без пяти восемь! Бежим! – Аня схватила меня за рукав и потащила в коридор. Мои ноги заплетались, будто после марафона.

Медведев уже вёл обход, окружённый плотным полукругом студентов. Его голос, ровный и отточенный, как хирургический инструмент, резал утреннюю тишину отделения.

— ...следовательно, при таких показателях мы смещаем акцент...

Увидев нас, подбегающих запыхавшихся, он на долю секунды прервался. Его взгляд скользнул по Ане, а затем по мне — быстрый, холодный, абсолютно пустой. Будто вчерашнего взгляда, прожигавшего меня насквозь, и не было. Будто того полумрака операционной, того шёпота у уха — никогда не существовало. В груди что-то болезненно сжалось.

— ...Итак, продолжим, — он вернулся к группе, будто ничего не заметил. — Пациент в четвёртой палате. Состояние после лапароскопической холецистэктомии. Кто назовёт три ключевых послеоперационных риска, на которые мы обращаем внимание в первые двадцать четыре часа?

Мозг, наконец, прошибло адреналином. Я знала это. Знала блестяще. Внутри вспыхнул знакомый азарт — чёткий, ясный, спасительный.

Сейчас. Сейчас я покажу ему, что я знаю.

Я уверенно подняла руку, поймав его взгляд. Нет, не поймав. Он просто прошёл сквозь меня, как сквозь пылинку в воздухе, и остановился на Ане, которая скромно стояла сзади, переминаясь с ноги на ногу.

— Анна... Карпова, — произнёс он и сощурился глядя сквозь меня на мою подругу, и его голос... смягчился. В нём

появились низкие, бархатные нотки, которых я никогда не слышала, обращёнными к себе. — Давайте послушаем вас. С чего мы начнём?

Аня вздрогнула, словно её толкнули.

— Э-э... Кровотечение... тромбоэмболические осложнения... и... эм... инфицирование послеоперационной раны? — выдавила она, превратив утверждение в вопрос.

Медведев кивнул, и на его губах появилась лёгкая, одобрительная полуулыбка. Такая простая. Такая обычная. От неё внутри у меня всё похолодело.

— Верно. Но давайте уточним — какие именно признаки кровотечения нас должны насторожить в первую очередь?

Следующий вопрос висел в воздухе.

Я снова подняла руку, выше, чётко. Готовая рассказать все про тахикардию, падение давления и притупление перкуторного звука в отлогих местах живота.

Его взгляд, намеренный и медленный, снова проигнорировал меня. Он слегка наклонился к Ане, сократив расстояние между ними.

— Анна? Не томите уже.

— Слабость... головокружение? Бледность? — залепетала она, плохо зная ответ на его вопрос.

— Хорошо, — он сказал это так, будто она только что решила сложнейшую теорему. — Это общие симптомы. А специфические? — Он подсказывал ей, мягко, почти игриво, его плечо иногда почти касалось её плеча. Он флиртовал. Пря-

мо здесь, среди запахов антисептика и лекарств, под табличками с фамилиями больных. Со своей студенткой. С моей подругой.

А я стояла.

Рука, которую я поднимала, постепенно, предательски, опускалась сама собой, будто кисть наливалась свинцом. Обида подступила к горлу горячим, едким комом, смешиваясь с полным, оглушающим недоумением.

Вчера его взгляд был раскалённым металлом. Сегодня я была для него воздухом. Пустым местом. Фоном.

Обход завершался у палаты Витьки. Мой сосед храпел, раскинувшись, его лицо в свете утреннего солнца казалось почти мирным. Медведев бегло, одним взглядом, оценил графики на доске, что-то отметил в электронном планшете и развернулся к группе.

— На сегодня достаточно. Спасибо всем, – его голос снова стал строгим, но потом стал более дружелюбным, обращаясь только к одному человеку.

– Анна, у меня есть пара... интересных гистологических снимков от вчерашней операции. Если у вас будет время после – зайдите ко мне в кабинет, посмотрим вместе. Буду рад услышать именно ваше мнение.

Он сделал общий кивок.

Его взгляд на мгновение пересекся с моим — в нем не было насмешки. Лишь тлеющий огонь и вызов. Казалось, он хотел сказать, что вчерашнее больше не имеет значения. За-

тем он развернулся и ушел, его белый халат развевался за ним, а шаги гулко разносились по кафельному полу.

Я стояла, вцепившись пальцами в папку с историями болезней так, что костяшки побелели. Щёки горели уже не от стыда, а от унижительной, детской, бессильной досады.

Аня обернулась ко мне. Её лицо было красно от смущения.

— Маш... Ты как? Что это было? Я... я даже не знала, что отвечать... —

Её голос звучал искренне растерянно. И от этого стало ещё гаже. — Думала сейчас посыплюсь. Чего он ко мне привязался-то?

— Не знаю, — прошептала я, с трудом разжимая челюсти и глотая противный ком в горле. Голос звучал чужим и плоским. — Похоже, он и правда хочет показать тебе пару снимков.

Я быстро отвернулась от неё и ушла, не в силах вынести её виноватый взгляд или своё чувство унижения. Или поражения. Похоже, Медведев просто перестал меня замечать. И самое ужасное было в том, что это равнодушие ранило меня сильнее, чем любые его колкости или тот холодный, пристальный взгляд.

Глава 6

На следующий день я решила, что буду действовать иначе.

Если Медведев решил играть в молчанку и делать вид, что меня не существует, я заставлю его заметить себя.

Любой ценой.

Первой жертвой стал кофе. Я узнала, что Медведь пьёт его чёрным, без сахара, и всегда берёт в ординаторской в 10:30. Я уже стояла у кофемашины с пустым стаканчиком, когда он появился на пороге, разговаривая с медсестрой.

Сердце заколотилось. Я сделала вид, что потянулась за салфетками, и локтем аккуратно задела его руку, когда он уже подносил стакан ко рту. Горячая жидкость выплеснулась ему на белоснежный халат и рубашку, оставив тёмно-коричневое пятно.

— Ой! Простите, Александр Алексеевич! – воскликнула я с максимально невинным выражением лица. – Я такая неловкая.

Он резко отдернул руку, на его лице на секунду мелькнуло раздражение, но тут же сменилось холодной маской. Он посмотрел на пятно, потом на меня. В его глазах не было гнева, лишь понимание. И какая-то... усталая насмешка.

— Не беда, Красавина. С кем не бывает, – сказал он ровно, снимая халат. – Главное, что вы не обожглись. Бегите по своим делам.

Он не стал его оттирать. Просто развернулся и пошел в сторону своего кабинета. Медсестра бросила на меня осуждающий взгляд.

Хм... я посмотрела ему вслед и поняла, что этого мало. Мне нужна была катастрофа, чтобы этот напыщенный индюк взорвался.

Следующая попытка была в столовой.

Он сидел один за столиком с тарелкой супа. Я, проходя мимо с подносом, на котором стоял компот и котлета, «случайно» зацепилась ногой за ножку его стула. Я не упала. Но поднос с характерным грохотом выскользнул из рук и приземлился прямиком на его стол. Компот рекой разлился по его документам, котлета шлёпнулась рядом с тарелкой, рассыпав по скатерти рис.

В столовой на секунду воцарилась тишина. Я застыла, изображая шок.

— О боже... я... я такая неуклюжая! – повторила я свою мантру, чувствуя, как по спине ползёт краска настоящего стыда. Это было уже слишком.

Медведев медленно отодвинулся от стола. Он посмотрел на залитые компотом бумаги, на котлету, на моё виноватое лицо. Щёки у него слегка втянулись. Он что-то понял. Не просто понял – разгадал. Он встал.

— Успокойтесь, студентка Красавина, – сказал он громко, на весь зал. Его голос был твёрдым, но без крика. – Материальный ущерб возместит больница. Главное – вы не поре-

зались. — Он вытер руки салфеткой и взглянул на меня так пристально, что мне захотелось провалиться сквозь пол. — Вам, кажется, пора на процедуры. Идите.

И снова — никакого взрыва. Только эта ледяная, всепони-
мающая выдержка, которая сводила меня с ума.

В течение дня я «случайно» уронила стопку свежих жур-
налов с анализами, когда он проходил мимо, и чуть не сбила
его с ног, вылетая из лифта. Каждый раз он лишь смотрел
на меня, его взгляд становился всё тяжелее, всё более про-
низывающим. Он не ругался. Не повышал голос. Он просто
смотрел, крепко сжав зубы и медленно-медленно покрывал-
ся красными пятнами. И в этом взгляде я начинала читать
не гнев, а вопрос. И что-то ещё, от чего сердце начинало ко-
лотиться по-другому.

Смена подходила к концу. Я, измотанная собственным са-
ботажем и его непробиваемым спокойствием, собирала ве-
щи в раздевалке. Мне хотелось только одного — домой, в ти-
шину, подальше от его всевидящих глаз.

Я вышла на крыльцо больницы. Вечерний воздух был про-
хладным и влажным. Я закуталась в лёгкое пальто и потяну-
лась к телефону, чтобы посмотреть время.

— Красавина.

Голос раздался прямо за спиной. Низкий, узнаваемый. Я
обернулась. Медведев стоял в нескольких шагах, без халата,
в том самом тёмном пиджаке, в котором я видела его в баре.
На его рубашке, если приглядеться, угадывалось едва замет-

ное пятно от утреннего кофе.

— Хочешь подвезу, — сказал он просто. Его взгляд был тёмным и неумолимым. — Кажется, у нас есть о чём поговорить. Или вы планируете продолжить свой... перформанс завтра с утра?

В его тоне не было ни насмешки, ни злости. Была усталость и какое-то железное терпение.

Я посмотрела на него, на его машину, стоявшую у обочины. Вспомнила тот вечер, ту же самую сцену. Только теперь игра велась по его правилам.

Я медленно, очень медленно, покачала головой. Потом приподняла подбородок, посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась самой невинной, самой сладкой улыбкой, на которую была способна.

— Спасибо, Александр Алексеевич. Но нет. Я, кажется, уже научилась избегать... опасных поездок. Доброй ночи.

Медведев не сдвинулся с места. Он слегка наклонил голову и внимательно посмотрел на меня, как будто хотел понять, о чем я думаю, и убедиться, что он прав в своих предположениях.

— Опасных? — повторил он, и в углу его губ дрогнула тень улыбки. — Интересная формулировка. Чем, по-вашему, опасна моя машина? Плохой подвеской? Или водителем?

— Водителем, — выпалила я, не думая, и тут же внутренне поморщилась от своей же прямоты.

Его брови чуть приподнялись. Казалось, этот ответ его да-

же обрадовал.

— Понятно. Значит, дело не в супе и не в кофе. А в том, что я вчера утром я говорил с Анной, а не с вами.

Он произнёс это настолько спокойно, настолько точно в цель, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Он всё видел. Всё понимал. И теперь наблюдал за моей реакцией, как за интересным клиническим случаем.

— Не понимаю, о чём это вы, – пробормотала я, отводя взгляд в сторону, к огням проезжающих машин.

— Не понимаете? – Он сделал шаг вперёд, и расстояние между нами снова стало невыносимо малым. От него пахло тем же парфюмом, что и тогда, в баре, но теперь запах был приглушён запахом больницы и... чем-то ещё, сугубо его, личным. – Тогда позвольте мне прояснить. Сегодняшние ваши... упражнения с кофе, обедом и лифтом были невероятно увлекательны. Особенно для студентки, чьи руки на операции были такими уверенными. Это что, новая форма протеста? Или, может быть, привлечения внимания?

— Я не пыталась привлечь ваше внимание! – вырвалось у меня, и голос прозвучал слишком резко, слишком по-детски.

— Нет? – Он мягко переспросил, и в его глазах вспыхнул тот самый, опасный огонёк. – Тогда что это было, Маша? Потому что это было очень лично. И очень... эмоционально.

Он назвал меня по имени. Впервые. Не «Красавина», не «студентка». Просто – Маша. От этого простого слова по спине побежали мурашки.

Я закусила губу, не находя, что сказать. Все мои дурацкие планы рассыпались в прах перед его спокойной, всевидящей логикой.

— Я... я просто неловкая.

— Вы неловкая? – Он рассмеялся. Коротко, беззвучно. – Вы, которая вчера ночью подавала мне инструменты в такт грому из колонки? Ту, которая знает протоколы лучше иных ординаторов? Не верю. Вы слишком хороший хирург для такой плохой актрисы.

«Вы слишком хороший хирург».

От этой фразы внутри всё перевернулось.

— Итак, – продолжил он, и его голос снова стал деловым, но в нём теперь читалось твёрдое решение. – У нас два варианта. Первый: вы продолжаете эту... комедию. И тогда завтра я передам вас на кураторство Воронову. Он, как я слышал, очень ценит дисциплину. Второй: вы садитесь в машину, и мы едем. Без игр. Без саботажа. И говорим, наконец, как взрослые люди. Что выбираешь, Маша?

Я сделала глубокий вдох, ощущая, как холодный вечерний воздух обжигает лёгкие.

— Я выбираю автобусы, – тихо сказала я и развернувшись пошла в сторону автобусной остановки.

Глава 7

На следующее утро я безбожно проспала. Будильник, заведённый на шесть утра, прозвенел впустую. Несколько раз... он пытался меня разбудить, но все зря. Видимо, разбудить меня в тот момент мог бы только мужчина. Привлекательный, красивый... м-м-м.

Когда я открыла глаза, на часах было уже без двадцати восемь. Паника, холодная и цепкая, сдавила горло.

Медведев.

Утренний обход.

Его ледяное лицо, если я опоздаю и последующие санкции, которые затянуться на весь день.

Я вскочила, натянула первое, что попало под руку, и вылетела из квартиры, даже не заварив кофе. Хорошо, хоть зубы успела почистить. В автобусе, я причесалась и успела накрасить глаза и губы. Ничего странного, все девушки так делают.

Путь до больницы превратился в спринт.

Я влетела в главные двери, запыхавшаяся, с растрепанными волосами. Вдалеке, у лифтов, я увидела, как створки начинают медленно закрываться. Внутри мелькнула фигура в белом халате.

— Подождите! – крикнула я, прибавив скорость. – Не уезжайте! Придержите двери, пожалуйста!

Створки лифта дрогнули и разъехались с недовольным шипением. Я запрыгнула внутрь, едва успев. Двери захлопнулись за моей спиной. И только сейчас я поняла, кто был передо мной.

Тишина. Гул механизма или это так стучит мое сердце видя перед собой Александра Алексеевича Медведева. В лифте, пропитанном запахом антисептиков и стали он был один.

Мы стояли по разные стороны кабины, не глядя друг на друга. Напряжение висело в воздухе гуще смога. Он нажал кнопку нужного этажа. Лифт тронулся, подрагивая.

— Опаздываете, Красавина, — произнёс он без эмоций, посмотрев на часы на руки.

— Пробки и будильник... гад, — буркнула я в ответ, прижимая к груди сумку.

— Как удобно. Вчера – автобус. Сегодня – будильник. Завтра, полагаю, виноваты будут инопланетяне?

Я резко повернулась к нему.

— А вам-то какая разница? Передадите Воронову и забудете обо мне, как страшный сон.

Он тоже повернул голову. Его глаза были холодными, но в них прыгали какие-то искры.

— Разница в том, что я терпеть не могу безответственности. Особенно от тех, кто способен на большее.

Лифт вдруг дёрнулся, звякнул и замер. Свет лампочки тревожно мигнул и погас, оставив нас в полумраке аварийной подсветки. Тишину нарушил лишь тихий гул застрявше-

го механизма.

— Прекрасно, – сдавленно произнёс Медведев. – Идеальное завершение идеального утра.

Паника, на этот раз совсем другого свойства, кольнула меня под ложечкой. Теснота, темнота, он. Я потянулась к кнопке вызова, но её свет не загорался.

– Ой, мамочки, – пропищала я, – мы что застряли?

– Вероятно, – буркнул он и нажал на какую-то кнопку, отодвинув меня от табло с кнопками. Получилось неуклюже и я недовольно фыркнула.

– Думаете, это я виновата? – не выдержала я.

— Не исключаю. Ваш талант к созданию хаоса безграничен.

Мы замолчали. Секунды тянулись в тяжёлой, неловкой тишине. Чтобы разрядить обстановку, я, сама не зная зачем, выдавила:

— Кстати, о пациенте в седьмой палате. Вчерашние анализы... я считаю, дозу антибиотика можно было бы снизить. Функция почек восстановилась лучше, чем мы ожидали.

Он медленно повернулся ко мне в полутьме.

— На каком основании? – голос его был ровным, профессиональным.

— На уровне креатинина. Он упал на тридцать единиц. И диурез в норме. Мы рискуем получить грибковую инфекцию на фоне такой дозы.

Завязался спор.

Сначала сдержанный, потом всё более горячий. Мы сыпали цифрами, названиями препаратов, ссылались на исследования. Забыли о застрявшем лифте, о вчерашней перепалке на крыльце.

Это был чистый, острый азарт профессионалов. Он оспаривал мои доводы, я парировала. Мы стояли совсем близко в тесном пространстве, и наши голоса, вначале холодные, теперь звучали горячо, почти страстно.

— Вы упускаете из вида возможную резистентность! — сказал он, и в его глазах, слабо освещённых зелёным светом аварийной лампы, горел настоящий огонь.

— А вы — индивидуальную чувствительность! — ответила я, не отводя взгляда. — Мы лечим не показатели, а человека! Разве вы не об этом говорили?

В этот момент свет аварийной лампы потускнел, на мгновение погрузив нас в почти полную темноту. Что-то щёлкнуло. Не в лифте. Внутри меня...

Резкий спор оборвался на полуслове. Внезапно наступившая темнота стала густой, осязаемой. Я слышала только его дыхание, совсем рядом. И своё, сбившееся.

— Маша, — его голос прозвучал совсем иначе. Низко, хрипло. Не как начальника, а как того мужчины из бара.

Я не успела ответить... а быть может не знала, что отвечать.

Его пальцы нашли моё лицо в темноте. Прикосновение обожгло, а затем его губы слились с моими. Это был не неж-

ный поцелуй, а взрыв страсти. Напряжение, злость, ярость и запретное влечение, копившиеся дни, вырвались наружу.

Я ответила ему с такой же силой, впившись пальцами в ткань его халата. Он срывал с меня одежду, я тянула за застёжки его халата, не замечая ни шума ткани, ни звука упавшей сумки о стену кабины.

Его руки были тверды и точны, как в операционной, но сейчас они выполняли другую работу, сметая все преграды. В темноте лифта, затерявшегося между этажами, не осталось ни начальника, ни студентки. Осталась лишь безумная, жадная потребность друг в друге, которая заглушала всё: стыд, разум, осторожность.

– Нельзя, – прошептала я, когда его рука вдруг скользнула мне под пояс джинсов.

Глава 8

— Почему нельзя? — его шёпот обжег моё ухо, густой и вязкий, как патока. — Потому что я твой куратор? — Он отстранился на дюйм, и его глаза, привыкшие к полумраку, отражали тени и озорные искры. — Или потому что... — он сделал театральную паузу, — ...двери могут открыться?

Ирония судьбы оказалась злой и стремительной. Его слова ещё висели в воздухе, когда лифт громко шелкнул, будто кто-то выключил свет прямо у нас над головами. Загудел мотор, и яркий, почти хирургический свет ламп вспыхнул под потолком, ослепляя после темноты. Двери с громким шипением разъехались в стороны, обнажая стерильный, коридор пятого этажа, залитый холодным светом.

Мы застыли, как два вора, пойманных на месте преступления. Всего в двух шагах друг от друга. Воздух между нами был густым от нашего прерывистого дыхания. Моя блузка съехала с одного плеча, обнажая тонкий ремешок майки. Его халат был расстёгнут, и под ним мятая дорогая рубашка, воротник которой я, кажется, успела помять своими пальцами. На его губах — смутный розовый след моей помады. А мои волосы... они, наверное, выглядели так, будто по ним проехался каток.

— Александр Алексеевич! А вот вы где! Опять в бумагах закопались? — раздался впереди нас жизнерадостный, гром-

кий голос. Прямо перед нами как по команде режиссёра плохой комедии, стояла толпа – медсёстры в белых халатах, пара ординаторов, студенты-практиканты. Они несли коробки, обёрнутые в блестящую бумагу, и несколько букетов. Впереди всех – старшая медсестра Тамара Ивановна, с лицом, сияющим как новогодняя гирлянда. – С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ, дорогой наш!

День рождения. У него?

Мир на секунду остановился. Я увидела, как в его глазах, ещё секунду назад тёмных от страсти, мелькнула молниеносная цепочка: шок, раздражение, мгновенная оценка обстановки.

И затем, включилась та самая, ледяная профессиональная маска. Он был первым. Одним плавным, почти незаметным для непосвящённого движением он поправил мою блузку, застегнув ее на верхнюю пуговицу. Другим движением привёл в порядок свой халат. Большой палец незаметно провёл по уголку своих губ, смазав и стерев след помады. Всё заняло не больше двух секунд.

— Спасибо, Тамара Ивановна, – его голос прозвучал абсолютно ровно, спокойно, с лёгкой, дежурной теплотой. Он сделал шаг из лифта, и между нами тут же возникла дистанция. Он даже не взглянул в мою сторону, будто я была частью интерьера, неодушевлённым предметом.

— Да иди ты сюда, именинник! Весь отдел тебя ищет! — Тамара Ивановна впихнула ему в руки огромный букет бе-

лых роз и гербер. — Торт в ординаторской стынет! Свечи не жгут, пока виновника торжества нет!

Меня, оглушённую и растерянную, буквально вытолкали из лифта нахлынувшим весёлым потоком.

Я стояла в стороне, тупо поправляя уже застегнутую блузку, пытаюсь пальцами распутать волосы, чувствуя, как жар стыда и возбуждения медленно спадает, оставляя после себя ватную пустоту и лёгкое головокружение.

Он уходил в толпе, его белый халат мелькал среди других, его спина была прямой и неприступной. Казалось, того, что было секунды назад, и не было вовсе. Была лишь моя галлюцинация, вызванная усталостью и стрессом.

Весь день отделение гудело, как растревоженный улей. В ординаторской действительно царил праздник. На столе красовался огромный торт, украшенный шоколадными скальпелями и сахарной надписью «Самому острому уму и ловким пальцам». Пахло шоколадом, свежей заваркой и радостью.

Медведев стоял в центре, всё так же слегка отстранённый, но вежливый. Он принимал поздравления: коробку с дорогими запонками в виде скрещенных скальпелей, кожаную папку для документов, стильную ручку. Аккуратно разрезал торт на ровные куски, раздавая их всем желающим.

Я забилась в самый дальний угол, за чашкой чая без сахара, пытаюсь стать невидимкой. Он ни разу не посмотрел в мою сторону. Ни одним намёком, ни одним взглядом не выдал, что между нами что-то произошло. Это было невыноси-

мо. Это было даже хуже, чем если бы он подошёл и при всех устроил разнос. Это равнодушие заставляло сомневаться в реальности утра. Может, мне и правда померещилось?

Когда смена уже подходила к концу, и я, морально истощённая, собирала вещички, чтобы тихо слинять, он поймал меня. В самом неудобном месте – у поста медсестёр, где я вносила последние данные по пациенту в журнал. Хорошо, что там никого не было, а то бы со стыда сгорела.

Тень легла на разлинованные графы, перекрыв свет. Я подняла голову.

Передо мной стоял Медведев без халата. В той же серой рубашке, но с расстёгнутым верхним воротником. На манжетах поблёскивали новые запонки – те самые, серебристые змейки. От него пахло теперь не только его парфюмом с нотами сандала, но и сладковатым шоколадом.

— Красавина, – сказал он тихо. Не «Маша», как в лифте. Снова формальное «Красавина». Но его глаза... В них не было утреннего льда. Там было что-то плотное, сфокусированное, как луч лазера. Он ждал.

— Александр Алексеевич? – я прочистила горло, и голос прозвучал неестественно высоко.

— Все сегодня что-то подарили, – произнёс он, делая небольшую, но очень весомую паузу. Его взгляд скользнул по моему лицу, будто считывая каждую микроскопическую эмоцию. – А от тебя... ничего. Чувствую себя обделённым. Непорядок.

Я растерялась, чувствуя, как по щекам разливается предательский румянец.

— Я... я не знала. Честно. Я бы обязательно... что-нибудь купила... — я запинаясь, чувствуя себя полной дурой.

— Я не хочу твой магазинный хлам, — перебил он, понизив голос. Его слова звучали интимно, словно касались моей кожи. Он шагнул ближе, заслоняя меня от пустынного, но всё же опасного коридора. — Я хочу то, что мы не доделали утром. Единственный подарок, который меня интересует, — это ты.

Глава 9

Эти слова вибрировали в воздухе, и моё сердце на секунду замерло, прежде чем забиться с новой, бешеной силой. Всё внутри кричало «да». Но что-то другое, более глубокое и упрямое, заставило меня отступить на шаг.

— Александр Алексеевич, — я сказала твёрже, чем чувствовала. — Это... очень лестно. Но у меня сегодня другие планы.

На его лице мелькнуло неподдельное удивление. Видимо, он привык, что его желания — закон. Ожидал капитуляции, а не отпора.

— Какие планы могут быть важнее моего Дня рождения? — спросил он, и в его голосе снова зазвучала лёгкая, но уже опасная насмешка.

— Мы с девочками идём в бар, — выпалила я, и тут же мысленно поблагодарила одноклассников, которые вчера действительно звали меня «куда-нибудь сходить». — Как раз-таки отмечать день рождения любимого куратора. Коллективно.

— Ах вот оно что? Коллективно значит? То есть интима не будет?

— Никакого интима, — я отрицательно покачала головой. Такое ощущение, что он только об этом и думает. Извращенец!

Он смерил меня долгим, оценивающим взглядом, словно прочитал мысли. Казалось, он пытался понять, блефую ли я.

— Ясно, — наконец произнёс он, и его губы тронула та самая, холодная усмешка. — Веселитесь. Но помните — завтра в восемь утра обход. И я не делаю скидок на похмелье.

Он ловко развернулся и ушёл, оставив после себя шлейф загадочности и сексуальности.

— О мой Бог, — прошептала я и выдохнула, чувствуя странную смесь гордости и сожаления. — Как же он хорош.

Бар «Анатомика» был нашим факультетским фаворитом. Мы ввалились туда шумной компаний девочек, и я действительно постаралась забыться. Смеялась над глупыми шутками, танцевала под зажигательную музыку, поднимала тосты «за самого строгого, но справедливого Медведева!».

С каждым коктейлем напряжение дня таяло, сменяясь лёгкой, приятной эйфорией.

Именно в такой момент, когда я пробиралась обратно к нашему столику с двумя новыми порциями мохито, ко мне подошёл какой-то мужик. Крупный, с нагловатой улыбкой и стеклянным взглядом. От него жутко несло перегаром и сигаретами. От одного этого запаха меня чуть не вывернуло.

— Эй, красотка, одна? Скучно тебе с этими ботаниками? — Он взял меня за локоть, и его хватка была слишком крепкой, слишком уверенной. — Идем со мной.

Я попыталась вежливо освободиться.

— Нет, спасибо, я со своими. Отпустите.

— Да ладно, посиди с нами, – он настойчиво потянул меня к своему столику, где сидела пара таких же развязных типов. – Угощу чем покрепче. Расслабишься наконец-то.

Паника, острая и холодная, пронзила алкогольный туман. Я попыталась вырваться по-настоящему, но его пальцы впились в руку.

Девчонки за нашим столиком были заняты собой и новыми поклонниками. Похоже, никто из них не замечал, что со мной происходит. Блииин!

И тут он появился. Я почувствовала его всем телом – волосы на коже встали дыбом. Медведев словно вышел из тени, потому что я даже не заметила, как он вошёл в бар.

В тёмной рубашке с расстёгнутым воротником, без пиджака. Его лицо было каменным.

— Руки убрал, – его голос был негромким, но он пробился сквозь шум музыки и разговоров, как лезвие.

Приставала обернулся, оценивая нового «соперника». Увидел холодные глаза, уверенную осанку, дорогую рубашку. Но выпивший наглец был не из трусливых.

— А ты кто такой? Её папочка? – усмехнулся он, почуяв себя смелым. – А ну, отвали!

Медведев не стал спорить.

Он просто быстрым, точным движением – тем, которому учат на курсах самозащиты, а не в медицинском – взял его за запястье и заломил руку за спину. Тип ахнул от боли и

неожиданности. Согнулся пополам.

— Я сказал, убрал от нее свои поганые руки, – повторил Медведев ледяным тоном, отпустив его и оттолкнув прочь. Он посмотрел на него так, что стало ясно — ничего хорошего ждать не стоит. Тот, что-то бормоча себе под нос, и потирая руку, быстро отошел к своему столу.

Медведев повернулся ко мне. Его лицо смягчилось, но лишь на градус.

— Готова уходить? Или планируешь ещё испытывать судьбу?

Я, всё ещё дрожа от адреналина и алкоголя, смогла только кивнуть. Он взял мою сумочку и куртку, кивнул моим ошарашенным друзьям и вывел меня на прохладную ночную улицу.

– Садись в машину, – сказал он мне, открывая дверь.

Я притихла, глядя в окно, чувствуя себя одновременно благодарной и нелепой.

— Спасибо, – прошептала я наконец.

— Не за что, – отозвался он, не глядя на меня, заводя машину. – Я не мог позволить, чтобы мою лучшую студентку обидел какой-то увалень.

«Лучшую студентку».

От этих слов внутри стало тепло и странно щекотно.

Когда он привёз меня домой, то припарковался и вышел из машины вместе со мной.

– Я могу... ик... и сама дойти, – проворчала я.

— Я знаю, что ты можешь все, Маш. Но все же, я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, — заявил он, не оставляя пространства для возражений, — поэтому я доведу тебя до двери.

Мы молча поднялись на мой этаж. Я с трудом выудила ключи из сумочки, руки дрожали. Он молча взял их у меня, безошибочно выбрал нужный, открыл дверь в мою небольшую съемную квартирку. И аккуратно втолкнул меня внутрь.

А затем...

Вместо того чтобы передать ключи и уйти, он переступил порог, вошёл внутрь и... закрыл дверь за собой. Щёлкнул замок.

Что? Простите!

В полутьме прихожей я видела только его силуэт и блеск глаз. Мой пьяный мозг медленно соображал, что происходит.

Медведев медленно приблизился, отрезая мне путь к отступлению. Его палец приподнял мой подбородок, заставив встретиться с его взглядом. На его губах играла не улыбка, а нечто другое – торжествующее, хищное и очень уверенное.

— Я предупреждал, — прошептал он так тихо, что я скорее прочла это по его губам. — Игра пошла по моим правилам. И теперь, — он сделал паузу, давая словам проникнуть в самое нутро, — теперь ты моя.

Глава 10

Торжествующая улыбка на его лице замерла, превратившись в каменную маску, когда моё собственное лицо исказила гримаса. Волна тошноты, горячая и неумолимая, подкатила к горлу, сметая весь флёр романтики, опасности и похмельного возбуждения.

— Ой... — только и успела я выдохнуть, прижав ладонь ко рту.

Его уверенность сменилась мгновенной, профессиональной оценкой ситуации. В его глазах я увидела не разочарование, а ту самую холодную собранность, с которой он смотрит на пациента в предоперационной.

— Ванная слева? — быстро спросил он, уже отводя меня от себя и открывая первую попавшуюся дверь.

К счастью, он угадал. Я вползла в маленькую ванную, едва успевая. Позор, адреналин от ситуации в баре, алкогольная смесь мохито и чего-то ещё — всё это с шумом покинуло мой организм. Мир сузился до холодного фаянса и собственных рыдающих всхлипов.

Когда судороги прекратились, я, слабая и дрожащая как осиновый лист, прислонилась к прохладной кафельной стене. Лоб был мокрым от пота, во рту стоял отвратительный привкус. И сквозь физическую слабость пробивалось жгучее, всепоглощающее чувство стыда.

Его победное «теперь ты моя» обернулось жалким фарсом. Я была не соблазнительной добычей, а проблемным пациентом, нуждающимся в санитарной обработке.

Дверь приоткрылась без стука. Он стоял на пороге, заливая светом из прихожей всё моё унижение. На его лице не осталось и тени торжества, только сосредоточенная строгость. В руке – стакан с чистой водой и долька лимона. Откуда? Неужели он нашел его в холодильнике?

— Прополощи рот, – приказал он, протягивая стакан. Никакого сочувствия в голосе.

Я послушно взяла стакан дрожащими руками, не в силах поднять на него глаза. Полоскала, выплёвывая, чувствуя, как он наблюдает за каждым моим движением с холодной клинической оценкой. Потом он взял моё лицо в ладони – не нежно, а уверенно, как фиксируют голову для осмотра, – наклонил к раковине и помог умыться. Его пальцы были точны и безличны. Он вытер моё лицо полотенцем, которое нашёл на полке, тем же движением, каким вытирал бы инструмент.

— Дурная, – прозвучало над моим ухом, когда он, взяв меня под локоть, повёл в спальню. В его голосе сквозила не злость, а раздражённая усталость, как у дежурного врача, к которому привезли очередного отравившегося студента. – Сколько ты там выпила, чтобы отметить мой день рождения?

— Достаточно, – прохрипела я, позволяя ему усадить себя на край кровати. Силы сопротивляться не было. Было только желание провалиться сквозь землю.

Он наклонился, снял с меня туфли одним ловким движением. Уложил меня на спину, накрыл лёгким пледом, который нашёл на стуле. Он делал всё быстро и чётко, без малейшей нежности или заботы. Потом он сходил на кухню, и я слышала, как течёт вода. Вернулся с новым стаканом, поставил его на тумбочку с таким стуком, что я вздрогнула.

— Пей. Маленькими глотками. И не вставай, — скомандовал он.

Я повернула голову и посмотрела на него. Он стоял у кровати, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. Не как на женщину. Как на сложный и непредсказуемый клинический случай.

— Я... прости, — прошептала я.

— Не за что, — он покачал головой, и уголок его губ всё же дрогнул, но это была не улыбка. — Живой учебный материал. Наглядное пособие по токсикологии. А теперь спи.

Он поправил одеяло, выключил свет на тумбочке и вышел из комнаты, плотно закрыв дверь. Я слышала, как он ходит по квартире — заглянул на кухню, проверил, закрыта ли входная дверь. Потом шаги затихли.

Я думала, он ушёл. Но через некоторое время дверь приоткрылась снова, и в щель проник луч света. Он не вошёл. Он просто стоял там, в дверном проёме, несколько долгих секунд. Я притворилась спящей, затаив дыхание. Проверял, дышу ли я. Убедившись, что жива и не в коме, он так же тихо, без единого звука, закрыл дверь. Через минуту я услы-

шала, как щёлкнул замок входной двери. Он ушёл. Без слов. Без прощания.

Наутро я проснулась с тяжёлой, но чистой головой. На тумбочке стоял тот же стакан, уже наполненный свежей водой, и две таблетки аспирина. Рядом лежала записка, написанная его размашистым, уверенным почерком:

Я взяла её. Бумага была плотной, дорогой. Его почерк — размашистый, агрессивно-уверенный, будто вырезанный скальпелем.

«Обход в 8.00. Не опаздывай. И впредь — знай свою меру. А.М.»

Глава 11

Я впиалась взглядом в записку, пока буквы не поплыли перед глазами. «Знай свою меру». От этих слов внутри всё сжалось в комок стыда и досады. Он видел меня слабой, жалкой, неконтролируемой. И теперь этим приказом напоминал о границах, которые я так отчаянно пыталась стереть.

Я собрала себя по кусочкам — ледяной душ, крепкий кофе, максимально строгий пучок и безупречно выглаженный белый халат. Маска спокойствия и собранности должна была скрыть всё. В восемь ноль-ноль я уже стояла в строю студентов, бледная, но с идеально прямыми плечами.

Медведев вышел из ординаторской. Его взгляд скользнул по шеренге, на долю секунды задержался на мне. Я приготовилась к очередной саркастичной ремарке, к уколу. Но его глаза, холодные и оценивающие, просто констатировали факт: «жива, функционирует». И двинулись дальше.

Обход прошёл тихо. Он не задавал мне вопросов. Не бросал вызов. Он говорил с другими студентами, давал указания медсёстрам, а я была тенью, стараясь не привлекать внимания. В какой-то момент, когда я зевнула, не сумев сдержать усталость, он, не прерывая разговора с ординатором, кивнул в мою сторону.

— Красавина, после обхода займёшься заполнением карт в ординаторской. Остальные — на процедуры.

Это не было наказанием. Это был шанс отдохнуть и прийти в себя. Я молча кивнула в ответ.

Сидя в пустой ординаторской за грудями историй болезни, я чувствовала странную пустоту. Его равнодушие жгло сильнее любого унижения. Вдруг дверь с шумом распахнулась, и на пороге появилась моя подруга Ангина (так я называла Аньку, когда мы были наедине). Её лицо пылало, глаза сияли.

— Маш! Ты тут, а я тебя везде искала! — Она запыхавшись опустилась на стул рядом. — Ты вчера как? Я слышала, ты с Медведевым уехала? Это правда?

— Правда, — буркнула я, уткнувшись в карту. — Ничего интересного. Отвёз домой, потому что мне стало плохо.

— Ой, бедняжка! — Аня на секунду сменила восторг на сочувствие, но тут же снова вспыхнула. — Слушай, а у меня тут... кое-что случилось!

Она понизила голос до конспиративного шёпота, хотя вокруг никого не было.

— Помнишь, он меня позвал к себе в кабинет? Посмотреть гистологические снимки?

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Кивнула, не отрываясь от бумаг.

— Ну вот, — Аня застенчиво улыбнулась. — Я пришла, такая вся... ну, знаешь. Подкрасила глаза и губы немного, волосы распустила, пуговичку блузки чуть расстегнула, ну чтобы он впечатлился. Зря что ли у меня третий размер?

Я подняла глаза и уставилась на раскрасневшую подругу.
— И?

— А он... — она сделала драматическую паузу, — он просто положил передо мной папку с историей болезни какой-то тётки, сказал: «Разберитесь с выпиской», развернулся и ушёл на экстренный вызов! ВСЁ!

Я усмехнулась, хотя внутри меня танцевали румбу сердце и остальные органы. В её рассказе не было ни намёка на романтику или близость. Была чистая рабочая ситуация.

— И... что дальше? — осторожно спросила я.

— А дальше... — Аня вздохнула, и в её глазах зажглись настоящие звёзды. — Маш, я думаю, я в него влюбилась. Ну, или почти. Он такой... такой невозмутимый. Такой уверенный. И этот взгляд... Он же на меня специально так посмотрел, когда звал! Это был знак! Наверняка, испытывает меня на прочность.

Мне стало неловко. Она строила воздушные замки на пустом месте, не зная, что между мной и этим «невозмутимым» человеком уже успели промелькнуть искры, борьба и откровенный позор.

— Аня, он просто... работал. Он на всех так смотрит, — попыталась я осторожно охладить её пыл.

— Нет! Со мной было по-другому! Я видела, — она уверенно тряхнула головой. — И знаешь... я хочу... я хочу его соблазнить.

Я чуть не поперхнулась воздухом.

— Что? Аня, ты с ума сошла? Он же наш куратор! Это же...

— А что такого? — она перебила меня, её глаза блеснули азартом. — Он мужчина, я девушка. А между сексуальным мужчиной и соблазнительной девушкой часто случаются чувства. Особенно в больнице. Понимаешь?

— Неа, — отрицательно покачала головой, — не очень. Мы же врачами собираемся стать.

— Одно другому не мешает, — хихикнула Ангина. — Ну так что, ты мне поможешь? Ты же умная, ты его лучше знаешь. Посоветуешь, как подойти, что сказать... Ой, Маш, пожалуйста! — она схватила меня за руку. — Ты же моя лучшая подруга!

Я смотрела на её сияющее, полное наивных надежд лицо и чувствовала, как внутри всё переворачивается. Она просила меня помочь завоевать человека, с которым у меня самой была эта странная, запутанная, полная напряжения связь. Человека, который прошлой ночью вытирал мне лицо, а утром оставил холодную записку. Человека, которого я боялась и желала одновременно.

«Теперь ты моя», — прошептал он тогда в темноте. Но как было на самом деле? И что я теперь должна ответить своей подруге, которая смотрела на меня с такой безграничной, глупой верой?

— Я... я подумаю, Ань, — с трудом выдавила я, отводя взгляд. — Мне еще карты заполнять.

– Я тогда попозже зайду, – спохватившись, она резко вскочила и вильнув хвостиком подбежала к двери. Только сейчас я заметила, что обычные брюки под халатом сменились на мини-юбку, открывая ее стройные ножки. А насколько я помнила из слухов, Медведев был известным бабником и ловеласом. А если это правда, то он быстро переключится с меня на Аню. Вот тогда это будет полное фиаско.

Глава 12

После того как за Аней захлопнулась дверь, я ещё долго сидела, глядя в одну точку в истории болезни. Буквы расплывались.

«Третий размер», «соблазнить», «бабник и ловелас» – всё это крутилось в голове, как бельё в стиральной машине. Я потряхнула головой и заставила себя работать.

Остаток смены прошёл на удивление спокойно.

Я заполняла карты, разносила анализы, пару раз заваривала чай для уставших медсестёр. Медведев больше не появлялся. Или я просто перестала искать его глазами в коридоре.

Перед самым уходом я вспомнила про Витьку. Мой сосед-металлист, чей аппендикс мы вчера благополучно эвакуировали. Я решила заглянуть в седьмую палату, тихо прикрыв за собой дверь.

Витька лежал, уставившись в потолок, и, кажется, тихо подвывал песню «Цементного рассвета» беззвучным шёпотом. Увидев меня, он дёрнулся, зашипел от боли в шве и замер.

— О, Мария... Здравсьте, – прохрипел он. – Вы ко мне?

— Проведать зашла, – я присела на край стула, стараясь не смотреть на него как на пациента. – Как самочувствие, Вить?

— Да норм, — он осторожно пощупал повязку. — Ребята из группы приходили, автограф просили на шве оставить. Типа, теперь я легенда — выжил после аппендицита под «Цементный рассвет». Представляете?

Я улыбнулась.

— Представляю. Ты, главное, не пей пока и не таскай тяжёлое. И гитару свою не поднимай хотя бы недели две.

Витька вдруг перестал кривляться. Его лицо стало серьёзным, даже немного виноватым.

— Слушай, Маш... Я это... — Он мялся, теребя край больничной простыни. — Помнишь, недели две назад, я там в подъезде на тебя наорал. Насчёт музыки.

Я помнила. «Ещё раз постучишься, я тебе эту дверь в одно место засуну».

Классика жанра.

— Забудь, — махнула рукой я. — С кем не бывает.

— Да нет, ты послушай, — он упрямо нахмурился. — Я тогда на нервах был, сольник провалили, басист сбежал... В общем, придурком был. А ты меня спасла. И вообще... — Он покраснел, и румянец на его небритом лице выглядел странно. — Если хочешь, я буду играть тише. Или куплю наушники. Или сделаю звукоизоляцию в квартире.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Вить, ты главное поправляйся. А музыку... ну, музыку я переживу.

Он облегчённо выдохнул и расплылся в благодарной

улыбке. Я оставила его перебирать в телефоне плейлисты и выскользнула в коридор.

И почти сразу встретила в Медведева.

Он стоял у поста медсестры, изучая какие-то графики, и, услышав шаги, поднял голову. Наши взгляды встретились. В его глазах не было вчерашней страсти, не было и сегодняшнего ледяного безразличия. Было что-то... усталое. И внимательное.

— Красавина, – сказал он, откладывая папку. – Закончили уже?

— Да, – я старалась, чтобы голос звучал ровно. – Уже домой собиралась.

Он посмотрел на часы, потом на меня. Сделал короткую паузу, будто принимал решение.

— Что делаете сегодня вечером?

Сердце пропустило удар. Я вспомнила его вчерашнее «приходи ко мне», свой дурацкий побег в бар, сегодняшнюю записку. Вспомнила Аню с её горящими глазами и расстёгнутой на блузке пуговицей.

— Ничего, – честно сказала я. – Просто выплюсь, наверное.

— Могу проводить, – он сказал это так, будто предлагал стандартную услугу. Но в уголке его губ дрогнула та самая, едва уловимая усмешка. – Если не боитесь опасных поездок.

Я усмехнулась в ответ.

— Сегодня, кажется, не боюсь.

Мы вышли из больницы, и вечер встретил нас прохладой и запахом мокрого асфальта. Прошёл дождь, и воздух был чистым, почти хрустальным. Медведев, к моему удивлению, не повёл меня к машине. Мы молча дошли до угла, где стоял небольшой кофейный киоск с ярким жёлтым зонтом.

— Кофе? – спросил он.

— С карамелью, – ответила я.

Он купил два стакана и ещё, подумав, взял два хот-дога. Протянул один мне. Горячий и аппетитный

— Ты ужинала?

— Не успела, – честно призналась я.

— Я знаю, – подмигнул мне и откусил кусок хот-дога.

Мы шли по вечерней улице, и это было странно – видеть его не в белом халате, не в напряжённой позе хирурга у стола, а вот так, с бумажным стаканом в руке, жующим хот-дог. Я смотрела на него и вдруг не выдержала.

— Вы всегда такой... безупречный? – вырвалось у меня.

Он поднял бровь.

— В каком смысле?

— Ну, – я замялась. – Всегда знаете, что делать. Всегда контролируете ситуацию. Всегда...

— Не всегда, – перебил он. И после паузы добавил: – Вчера я не контролировал... себя и ситуацию тоже.

Я прикусила губу.

— Вчера... я облажалась. Простите.

— Не извиняйся, Мария, – он посмотрел на меня, и в его

глазах снова мелькнула та самая искра. — К тому же, я сам виноват. Не надо было давить. Я... отвык от того, что мне отказывают.

— И как? Часто отказывают? — спросила я с притворной невинностью и улыбнулась.

Он фыркнул.

— Вы слишком много обо мне знаете, Красавина. Это опасно, — хмыкнул он и посмотрел так, что у меня подогнулись колени. Какой же он все-таки красивый, а еще невероятно опасный.

Мы рассмеялись.

И как-то само собой разговор перетёк в другое русло. Он рассказывал о своей первой операции, когда у него дрожали руки и он чуть не уронил зажим. Я рассказала, как на первом курсе в медицинском институте перепутала мужчину с трупом в морге и полчаса извинялась перед ним, пока не поняла, что он мёртвый и не может обидеться.

— Ты удивительная, — сказал он, когда мы остановились у моего подъезда. — Совершенно, беспросветно невыносимая, но удивительная.

Я не знала, что на это ответить.

Вечерний воздух вдруг стал густым, словно сироп. Он выбросил пустой стакан в мусорку и повернулся ко мне. Его руки легко коснулись моего подбородка, но на этот раз в его движении не было ничего медицинского или настойчивого. Просто вопрос.

Он наклонился и нежно поцеловал меня. Это было медленно и осторожно, как будто он пробовал кофе с карамелью. Я закрыла глаза и просто наслаждалась моментом. Без всяких игр, борьбы или попыток что-то доказать.

Он отстранился ровно настолько, чтобы видеть мои глаза.
— Я могу зайти? – спросил он тихо.

Глава 13

Я смотрела в его глаза, чувствуя, как внутри разливается тепло от его поцелуя, и уже открыла рот, чтобы ответить «да», как вдруг...

— Машуня! Золотце! Какая встреча!

Из-за угла дома вынырнул запыхавшийся сосед Константин Иванович с пятого этажа, а следом за ним, виляя хвостами и путаясь в поводках, неслись два рыжих кокер-спаниеля. Моська и Доська. Мои любимые клиенты по выгулу.

Сосед, сияя улыбкой, подошел к нам, даже не обратив внимания на Медведева. Вручил мне поводки, и собаки тут же принялись прыгать на меня, пытаюсь лизнуть в лицо.

— Девочки мои, соскучились! – я присела, чтобы почесать их за ушами, и они радостно завиляли хвостами, забыв о существовании хозяина.

— Машуль, привет! Ты как? – Дядя Костя перевёл дыхание. – Я тебе звонил, но ты не брала трубку. Дай, думаю, пойду собак выгуляю, может, встречу тебя. И надо же – встретил!

Я выпрямилась, держа в одной руке поводки, в другой – остатки хот-дога, и поймала взгляд Медведева. Он стоял, прислонившись плечом к стене подъезда, и с непередаваемым выражением лица наблюдал за этой картиной. В его глазах читалось что-то среднее между изумлением, насмешкой

и любопытством.

— Константин, — представился сосед, наконец заметив Медведева и протягивая руку. — С пятого этажа. А вы, видимо, Машунин... друг?

— Александр, — коротко ответил Медведев, пожимая руку. Его взгляд скользнул по мне, по собакам, по соседу и снова остановился на мне. В уголке его губ дрогнула та самая усмешка. — Машуня, значит?

Я почувствовала, как щёки заливают краска. Константин Иванович, не замечая напряжения, уже тараторил дальше:

— Слушай, у меня к тебе просьба! Мы с Ленкой в отпуск улетаем на следующей неделе, на семь дней. Не возмёшь девочек на передержку? Я заплачу, как обычно. Ты же знаешь, они тебя обожают. Им с тобой лучше, чем в любой гостинице.

Моська, будто понимая, о чём речь, ткнулась носом мне в ногу и жалобно заскулила.

Я вздохнула. Деньги были нужны. Сестра в другом городе писала вчера, что бабушке опять нужны лекарства. Каждая копейка на счету.

— Хорошо, дядь Кость, — кивнула я. — Присмотрю, конечно.

— О, спасибо! Ты чудо! — Константин просиял, чмокнул меня в щёку, на секунду замер, окинув Медведева быстрым взглядом, и добавил: — Ну, я побежал, а то Ленка заждалась. Вечером занесу ключи и вещи девочек!

Он скрылся в подъезде так же стремительно, как появился. А я осталась стоять с двумя собаками на поводках, с недоеденным хот-догом и с Медведевым, который смотрел на меня с таким выражением, будто видел впервые.

Тишина затягивалась. Моська села у моих ног и преданно уставилась на меня. Доська потянулась к Медведеву и ткнулась носом ему в ладонь.

— Ну, здравствуйте, – сказал он, глядя на собак. Потом перевёл взгляд на меня. – Значит, Машуня. Собаки. Передержка. Сосед, который целует в щёку. И ты хотела сказать, что вечер у тебя не занят?

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ну... теперь он точно занят. Извини, у меня внеплановая смена.

Он покачал головой, и в его глазах заплясали смешинки.

— Ты не перестаёшь меня удивлять, Красавина. То аппендицит под рок, то пьяненькая в баре, то собаки под дверью.

— Так я пойду? – я кивнула в сторону сквера, где Моська и Доська уже натягивали поводки в предвкушении прогулки.

— Я с тобой, – сказал он просто.

И прежде чем я успела возразить, он забрал у меня второй поводок, поправил пиджак и пошёл рядом, как будто выгуливать двух спаниелей после рабочего дня было для него самым обычным делом.

— Ты серьёзно? – удивилась я.

— А что? – он пожал плечами. – Хот-дог я доел, кофе

допил. Вечер всё равно испорчен. Вернее, – он посмотрел на меня с прищуром, – принял неожиданный, но интересный оборот.

Мы пошли в сквер.

Моська и Доська носились по газону, а мы сидели на скамейке, и он вдруг спросил, зачем, я выгуливаю с собаками?

– Я обожаю собак и у меня есть время, чтобы с ними погулять. А еще мне нужны деньги, – тихо сказала я, будто стесняясь этого факта, – у меня бабушка и младшая сестренка в другом городе.

– Хм... и много ты зарабатываешь на собаках?

– На лекарства бабушке и еду хватает, – серьезно ответила и отвернулась. Продолжать этот разговор я не хотела. Мне и так было неловко из-за того, что Медведев узнал о собаках.

Когда мы вернулись к подъезду, он остановился, посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я провожу тебя до двери. И на этот раз, – он усмехнулся, – обещаю не закрывать её за собой, если ты не скажешь «да».

— А если скажу? – вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Он наклонился и поцеловал меня снова. Коротко. Обещающе.

— Тогда я сам решу, закрывать её или нет. Но сегодня... – он посмотрел на Моську, которая с любопытством наблюдала за нами, – у тебя есть важная миссия. Выгул и успокоение

двух дам. А мне завтра оперировать. Так что...

Он развернулся и пошёл к выходу из двора. На полпути обернулся.

— И не опаздывай, завтра на обход, Красавина Мария.

— Я никогда не опаздываю, Александр Алексеевич.

— Завтра будет важный день и я хочу, чтобы ты показала себя лучше всех. Потому что...

Я замерла.

— Пусть это останется сюрпризом.

Я рассмеялась и помахала ему вслед. А в голове крутилось только одно: он не пытался зайти и соблазнить меня. Он просто остался. И это было в тысячу раз важнее.

Глава 14

На следующее утро я влетела в отделение за десять минут до обхода. Сердце колотилось не от бега, а от предвкушения.

«Важный день», «показать себя лучше всех», «сюрприз» — эти слова крутились в голове, как заезженная пластинка, не давая сосредоточиться ни на чём другом.

Обход начался ровно в восемь утра. Медведев, как всегда, был собран, холоден и безупречно вежлив. Никаких следов вчерашней прогулки с собаками или поцелуя у подъезда. Только профессиональная дистанция и чёткие команды. Но когда наши взгляды пересекались, в его глазах на мгновение появлялось что-то тёплое и почти интимное, а затем исчезало под маской строгости.

Мы остановились у пятой палаты. Медведев обвёл взглядом группу студентов, и я затаила дыхание. Он переводил взгляд с одного лица на другое, и вдруг остановился... на мне.

— Красавина, – голос его звучал ровно, но я уловила в нём особые нотки. – Сегодня вы будете ассистировать мне на операции. Аппендэктомия, пациент Петренко. Историю болезни вы знаете?

Я кивнула, чувствуя, как внутри всё переворачивается от радости и волнения. Вот он, сюрприз. Он доверяет мне. Он выбрал меня. Ой, мамочки мои!

Но прежде чем я успела выдохнуть, он добавил:

— И Карпова тоже. Мне нужны две пары рук. Покажете, на что способны.

Я почувствовала, как воздух вокруг наэлектризовался. Аня, стоявшая рядом, дёрнулась так, будто её ударило током. Её глаза вспыхнули – не просто удивлением, а самым настоящим, жгучим азартом.

Остальные студенты смотрели на нас с лёгкой завистью и неподдельным интересом. Две лучшие подруги, которые будут соревноваться за внимание самого красивого хирурга отделения. Лучше любого сериала.

Аня повернулась ко мне, и в её взгляде мелькнуло что-то новое, чего я раньше не видела.

— Ну ты даёшь! – прошептала она, толкнув меня локтем. – Как ты это сделала? Хотя... погоди, сейчас я покажу, кто тут настоящий хирург.

— Аня, это не соревнование, – попыталась я осадить её, но внутри уже закипал ответный азарт.

— О, нет, Маш, это именно соревнование, – она стрельнула глазами в сторону Медведева, который уже уходил в сторону операционных. – И я не собираюсь его проигрывать.

В операционной царила привычная стерильная тишина. Мы обработали руки, надели перчатки, встали по обе стороны стола – я справа, Аня слева. Пациент уже спал под наркозом. Над нами горели яркие лампы.

Медведев вошёл, уже в халате и маске. Его глаза над мас-

кой скользнули по нам обеим, и я готова была поклясться, что они задержались на мне на долю секунды дольше.

— Начинаем, – сказал он, и его голос в стерильной тишине звучал особенно низко. – Скальпель.

Аня дёрнулась первой, но я была быстрее. Инструмент уже лежал в его протянутой руке. Я поймала её взгляд – она поджала губы.

Операция началась. Или это началась война.

— Зажим.

— Пинцет.

— Отсос.

Его команды сыпались одна за другой, и мы с Аней соревновались, кто быстрее подаст нужный инструмент. Я работала на автомате, чувствуя, как адреналин кипит в крови. Но главное – я видела, как он работает.

Его движения были быстрыми, точными, безжалостно эффективными. И когда наши взгляды встречались над столом, в его глазах вспыхивало то самое, интимное, что заставляло сердце пропускать удары.

— Карпова, фиксатор, – бросил он, и Аня замешкалась на долю секунды, пытаясь понять, какой именно. Я уже протягивала нужный.

— Красавина, держите край, – его голос прозвучал как похвала.

Аня дёрнула плечом.

Когда операция подходила к концу, случилось неизбеж-

ное. Аня, слишком резко потянувшись за инструментом, задела мою руку. Скальпель, который я держала, выскользнул и упал на пол с металлическим звоном.

В операционной повисла тишина. Медведев замер.

— Чёрт, – выдохнула я.

— Прости, Маш, я случайно, – в голосе Ани не было и капли раскаяния. Была плохо скрытая усмешка.

Медведев посмотрел на нас. Его глаза над маской стали ледяными.

— Карпова, замена инструмента и дополнительные десять минут санитарной обработки. Красавина, продолжаем.

Аня вспыхнула и отошла к столику с инструментами. Я чувствовала, как её взгляд прожигает мне спину.

Когда последний шов был наложен, он отступил на шаг и кивнул медсестре:

— Зашивайте.

Потом посмотрел на нас. И, кажется, он прекрасно понимал, что только что произошло между нами.

— Хорошо, девочки. Очень хорошо. Карпова – работаете над координацией. Красавина – останьтесь, нужно заполнить протокол.

Аня сняла перчатки, бросила на меня быстрый, колющий взгляд и вышла, не сказав ни слова. Я осталась одна с Медведевым и бешено колотящимся сердцем.

Через полчаса, когда операционная опустела, я вошла в его кабинет. Он сидел за столом, без халата, в той же рубаш-

ке, что и вчера, с расстёгнутым воротником. Перед ним лежал протокол операции.

— Закрой дверь, – сказал он тихо.

Я закрыла. Щелчок замка прозвучал в тишине как выстрел.

— Садись.

Я села на стул напротив. Он смотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, от которого по коже побежали мурашки.

— Ты молодец, Маш. Хорошо справилась, – произнёс он, и его голос потерял всякую официальность. – Я не ошибся в тебе.

— Спасибо, – прошептала я, чувствуя, как щёки заливают краска.

Он встал, обошёл стол и остановился прямо передо мной. Его пальцы коснулись моего подбородка, приподнимая лицо.

— Знаешь, что самое трудное в операции? – спросил он почти шёпотом. – Не разрезы, не швы. Самое трудное это сохранять холодную голову, когда рядом стоишь ты.

Я замерла, боясь дышать.

Он наклонился и поцеловал меня – не так, как вчера у подъезда, не нежно и осторожно, а жадно, требовательно, сметая все барьеры. Я ответила, вцепившись пальцами в его рубашку.

Он подхватил меня, усадил на край стола, раздвигая мои колени и вставая между ними. Протокол операции полетел

на пол. Его губы скользили по моей шее, руки расстёгивали халат, пуговицы блузки.

— Я хочу тебя, – выдохнул он мне в губы. – С первой минуты в том баре. С того самого вечера.

— Я знаю, – прошептала я в ответ, запуская пальцы в его волосы.

Мы целовались исступлённо, забыв, где мы, кто мы, что за дверью – коридор, полный людей, что в любой момент могут войти. Остались только его руки на моём теле, его губы, его шёпот, сводящий с ума.

Вдруг в дверь постучали. Мы замерли.

— Александр Алексеевич! – раздался голос медсестры Тамары. – Там пациент из пятой палаты, давление скачет!

Медведев выдохнул, упёршись лбом в мой лоб. Потом усмехнулся, быстро поправил мою одежду, застегнул свою рубашку.

— Иду, Тамара Ивановна! – крикнул он, уже переключаясь в режим хирурга.

Он посмотрел на меня – растрёпанную, с пылающими щеками, сидящую на его столе.

— Это не конец, Красавина. Даже не начало. Это только проба.

Он наклонился, поцеловал меня коротко и вышел, оставив одну в кабинете, с бешено колотящимся сердцем и пониманием, что игра, наконец, перешла в ту стадию, где правил больше нет.

Я сидела, приводя себя в порядок, когда дверь снова открылась. На пороге стояла Аня. Её лицо было бледным, глаза пылали от ярости.

— Ну что, — сказала она тихо, и в её голосе звенела обида, — протокол заполнили? Или чем вы тут занимались?

— Аня, — начала я, но она перебила.

— Я всё поняла, Маш. Ты думала, я дура? Тот взгляд в лифте, твоё молчание, когда я просила помочь с ним... — она покачала головой. — Ты могла сказать. Могла просто сказать, что он твой. Но ты предпочла играть в молчанку и смотреть, как я мечтаю о том, что уже принадлежит тебе.

— Он мне не принадлежит, — тихо сказала я.

— О, правда что ли? — она усмехнулась. — Тогда почему ты сидишь в его кабинете с помадой, размазанной по губам?

Глава 15

Я машинально провела пальцем по губам, и этот жест стал приговором. Аня дёрнулась, будто я ударила её.

— Ань, послушай, это не то, что ты думаешь...

— Не то? — её голос сорвался на визг. — Я просила тебя помочь мне! Я рассказывала тебе, как мечтаю о нём! А ты... ты просто тихо делала своё дело за моей спиной!

— Я ничего не делала за твоей спиной! Это случилось... само собой.

— Само собой? — она рассмеялась, и в этом смехе не было веселья. — Знаешь что, Маша? Ты была моей лучшей подружкой. Я доверяла тебе. А ты... ты оказалась обычной предательницей.

Она развернулась и выбежала из кабинета, хлопнув дверью так, что со стола упала ещё одна папка.

— Аня, стой! — крикнула я, бросаясь за ней.

Я вылетела в коридор и успела увидеть, как её белый халат мелькнул в конце коридора, там, где находилась ординаторская. И где только что скрылся Медведев.

— Аня, не надо! — закричала я, но было поздно. Я побежала за ней, не чувствуя ног, сталкиваясь с медсестрами и ординаторами. Я чуть не уронила тележку с бельем, но вовремя успела остановиться.

Когда я добежала до ординаторской, Аня уже была там,

распахнув дверь настежь. Я вбежала следом и застыла на пороге.

В ординаторской было полно народу. Медсестры, ординаторы, пара студентов. И в центре, у стола с чашками, стоял Медведев, ещё не успевший переодеться после вызова к пациенту.

Аня подлетела к нему, схватила за плечи и, прежде чем кто-то успел пошевелиться, впилась в его губы поцелуем.

В комнате воцарилась мёртвая тишина. Чашка упала на пол и разбилась. Кто-то ахнул.

Медведев замер на секунду, а затем резко отстранился, отталкивая Аню.

— Карпова! Вы с ума сошли? – его голос громом прокатился по комнате. – Что вы себе позволяете?

Но Аня уже не слушала. Она стояла, тяжело дыша, с вызовом глядя на него, а потом перевела взгляд на меня, стоящую в дверях.

— Вот, – сказала она громко, на весь отдел. – Теперь все знают. Я люблю его. И мне плевать, что скажете.

Тишина длилась недолго. А потом начался какой-то ад.

Из толпы выступила заведующая отделением – пожилая, властная женщина, которую все боялись. Её лицо было каменным и серым.

— Александр Алексеевич, ко мне в кабинет. Немедленно. А вы, – она перевела ледяной взгляд на Аню, – студентка Карпова, ждите здесь. С вами будет разговор особый.

Медведев, не глядя ни на кого, вышел вслед за заведующей. В ординаторской начался гул, десятки голосов обсуждали случившееся. Кто-то осуждал Аню, кто-то завидовал и поражался ее смелости. Ведь половина группы была влюблена в Медведева, но только Аня решилась прилюдно заявить о своих чувствах.

Аня стояла, бледная, сжав кулаки и смотрела в потолок. Я подошла к ней и взяла ее за руку.

— Зачем ты это сделала? – прошептала я. – Зачем?

— А тебе какое дело? – огрызнулась она и выдернула руку. – Получила своё? Радуйся.

— Дура ты, Аня. Дура.

Через час всё было кончено.

Заведующая вызвала Аню к себе. Разговор был коротким. Официально – «неподобающее поведение, дискредитирующее звание студента-медика и создавшее угрозу репутации отделения». Реально – поцелуй старшего ординатора при свидетелях.

Аню не отчислили. Ее перевели в другую группу и в другую больницу. Все очень быстро и незаметно.

Я узнала об этом, когда увидела её, выходящую из кабинета заведующей с красными, опухшими глазами. Она прошла мимо меня, не глядя, но на секунду остановилась.

— Ты этого хотела? – прошептала она. – Получила. Медведев твой. И совесть теперь твоя чиста.

— Аня, зачем ты так? – сквозь слезы спросила я. – Он прав-

да этого не стоит. Ни один мужик этого не стоит. Это же твоя карьера. А что теперь?

Она ухмыльнулась, поправила волосы, развернулась и ушла.

Я стояла в пустом коридоре, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Внутри было пусто и холодно. Победа, которую я должна была чувствовать, превратилась в пепел.

— Маша.

Я обернулась. Позади стоял Медведев. Уставший, с тёмными кругами под глазами, в мятой рубашке.

— Ты как? – спросил он тихо.

— Я? – я усмехнулась. – Это не я только что лишилась подруги и будущей карьеры хирурга.

— Она сама выбрала свой путь, – спокойно ответил Медведев.

— Она выбрала, потому что я ей врала. Потому что я не сказала правду.

— И что бы ты сказала? Что между нами что-то есть? А есть?

Я посмотрела на него.

В его глазах была та самая глубина, от которой у меня подкашивались колени. Но сейчас в ней была ещё и усталость. И вопрос.

— Я не знаю, – честно ответила я. – Я знаю только, что сегодня я потеряла подругу. А что я приобрела? Пока не понимаю.

Он молчал долго. Потом кивнул.

— Иди работай, Маша. Нам сегодня предстоит тяжелая и долгая смена, поэтому не расслабляемся и пашем.

Глава 16

Я посмотрела на этого человека, из-за которого моя жизнь за несколько дней превратилась в американские горки. Красивый. Умный. Недостигаемый. И такой... чужой сейчас.

— Хорошо, Александр Алексеевич, – сказала я тихо, пряча руки в карманы халата, чтобы он не видел, как они дрожат. – Буду пахать.

Я развернулась и пошла по коридору, чувствуя спиной его взгляд. Каждый шаг давался с трудом. Ноги будто налились свинцом. Перед глазами стояла Аня. Её опухшие глаза и дрожащие губы. И её слова: «Медведев твой. И совесть теперь твоя чиста».

Смена тянулась бесконечно. Я заполняла карты, разносила анализы, проверяла истории болезней – делала всё, лишь бы не думать. Но мысли возвращались снова и снова.

Аня.

Поцелуй Медведева в кабинете.

Ее поцелуй с Медведевым в ординаторской.

Моя размазанная помада на лице.

Ближе к ночи, когда отделение затихло и остались только дежурные, я сидела в ординаторской одна.

За окном моросил дождь, и капли сбегали по стеклу, как слёзы. Где-то в коридоре раздавались шаги, но я не оборачивалась. Свет настольной лампы выхватывал из полумрака

только стопку историй болезней и мои руки, всё ещё дрожащие.

Дверь открылась.

— Не спишь? – Медведев вошёл без стука, с двумя стаканчиками кофе в руках. Поставил один передо мной, сам сел напротив. Его рубашка была расстёгнута на верхнюю пуговицу, рукава закатаны до локтей, открывая сильные, жилистые предплечья.

От него пахло кофе и тем самым парфюмом, от которого у меня последнее время подкашивались колени.

— Не сплю, – ответила я, обхватив стакан ладонями, чтобы согреться. И чтобы он не видел, как дрожат мои пальцы.

— Думаешь о ней?

— А ты? – резко перевела вопрос на него.

Он помолчал. Взял свой стакан, сделал глоток, и я следила за движением его кадыка.

— Я думаю о том, что один неосторожный шаг может разрушить всё. Кем бы ты не был, это может разрушить твою жизнь и карьеру. В миг. По щелчку пальцев.

Я подняла на него глаза.

В полумраке ординаторской его лицо казалось высеченным из мрамора – резкие тени, жёсткая линия челюсти, и только глаза живые, тёмные, смотрящие на меня так, будто я единственное, что имеет сейчас для него значение.

— Ты жалеешь?

Он смотрел на меня долго, очень долго. Потом медленно

покачал головой. Встал, обошёл стол и сел рядом. Совсем близко. Так, что я чувствовала тепло его бедра через ткань халата.

— Нет. Не жалею.

В его голосе было столько уверенности, что на секунду мне стало легче. Но только на секунду.

— Аня тоже не жалела. И где она теперь?

— Аня сделала выбор сама. Ты здесь ни при чём.

— Я здесь при всём, – я встала, не в силах больше сидеть. Подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. — Если бы я сразу сказала ей правду, она бы не бросилась к тебе. Не опозорилась бы при всех. Не потеряла бы место в больнице.

— И что бы изменилось? Она бы перестала испытывать ко мне чувства?

— Она бы не выглядела душой.

Он тоже встал. Подошёл сзади – я почувствовала это по тому, как напряглась кожа на затылке. Его руки легли мне на плечи, мягко, но настойчиво разворачивая к себе.

— Посмотри на меня, Маша.

Я подняла глаза.

Он стоял так близко, что между нами не осталось расстояния. Только тонкий слой воздуха, нагретого нашим дыханием.

— Ты не виновата, – сказал он тихо. – В том, что чувствуешь ко мне, ты тоже не виновата.

— А что я чувствую к тебе? – спросила я шёпотом, глядя ему в глаза. В них сейчас не было игры. Не было хищного блеска. Была только та самая глубина, в которой так легко утонуть.

Он не ответил. Просто наклонился и поцеловал меня. Медленно. Осторожно. До мурашек.

И я ответила.

Этот поцелуй отличался от всех предыдущих. В нём не было той жадной, почти отчаянной страсти, что в лифте. Не было нежности у подъезда. В нём было что-то новое. Медленное, глубокое узнавание.

Его губы двигались по моим так, будто он изучал их, запоминал каждую линию, каждый изгиб. Я чувствовала вкус кофе, смешанный с чем-то неуловимым, терпким, мужским, опьяняющим.

Его руки скользнули с моих плеч вниз, по спине, притягивая ближе. Я упёрлась ладонями ему в грудь, не чтобы оттолкнуть, а чтобы почувствовать, как под тонкой тканью рубашки бьётся его сердце.

Часто. Сильно. Не так спокойно, как он пытался казаться.

Он углубил поцелуй, и я открылась ему навстречу, позволяя его языку коснуться моего. По телу пробежала дрожь, когда его пальцы нашли край моего халата и скользнули под него, обхватив талию поверх тонкой блузки. Тёплая ладонь на обнажённой коже – и я выдохнула ему в рот что-то неразборчивое, похожее на стон.

— Тише, сладкая, — прошептал он, отрываясь от моих губ всего на миллиметр. — Здесь тонкие стены.

Его губы сместились на мою щёку, на уголок глаз, на висок. Потом ниже. На шею, туда, где билась жилка. Я запрокинула голову, позволяя ему исследовать эту чувствительную кожу. Его дыхание было горячим, влажным, и каждый поцелуй оставлял след, от которого по позвоночнику бежали мурашки.

— Ты пахнешь дождём и чем-то сладким, — выдохнул он мне в ключицу. — Каждый раз по-разному. И каждый раз я схожу от этого с ума.

Его руки продолжали своё путешествие, по спине, по пояснице, очерчивая каждый изгиб. Он прижимал меня к себе всё сильнее, и я чувствовала, как напряжено его тело, как тяжело он дышит. Мои пальцы сами собой потянулись к его воротнику, расстегнули ещё одну пуговицу, коснулись горячей кожи у основания шеи.

Он замер на секунду, потом перехватил мою руку и поднёс к губам. Поцеловал запястье, туда, где бился пульс. Медленно... томно.

— Я не хочу тебя терять, — повторил он свои слова, глядя мне прямо в глаза. — Не после всего, что было.

— А что было? — спросила я, сама удивляясь своей смелости. — Разве, между нами что-то было?

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе, чуть оттягивая её вниз.

— Я не знаю, как это назвать, — признался он. — Но я знаю, что когда ты рядом, я забываю как дышать. Что я ищу тебя глазами в коридоре. Что мне плевать на правила, на риски, на всё, кроме того, чтобы ты была в безопасности.

Я смотрела на него и видела, что он не врёт.

Этот человек, который всегда всё контролировал, сейчас стоял передо мной беззащитный. И это было сильнее любого признания в любви.

Я потянулась к нему сама.

Поцеловала его нежно, почти робко. И почувствовала, как он выдохнул с облегчением, как его руки сжали меня крепче, будто я могла исчезнуть.

Мы целовались снова и снова, забыв о времени, о том, где мы, о том, что за дверью больница, полная людей. Мир сузился до размеров этой тесной ординаторской, до его губ, его рук, его шёпота.

Когда мы наконец оторвались друг от друга, он прижался лбом к моему лбу. Мы оба тяжело дышали, и в тишине это дыхание звучало громче любого разговора.

— Я не знаю, что будет завтра, — сказал он тихо. — Не знаю, кто ещё пострадает. Но одно я знаю точно.

— Что? — выдохнула я, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Я не хочу тебя терять. Ни завтра. Никогда.

В этот момент в коридоре раздался шум. Крики, топот ног, чей-то истеричный плач. Мы отпрянули друг от друга,

как нашкодившие подростки. Дверь распахнулась, и на пороге появилась медсестра Тамара. Бледная, с трясущимися руками, в накинутом на плечи халате поверх ночной рубашки.

— Александр Алексеевич! – голос её срывался. – Там... там Карпова... Её привезли на скорой. В приёмный покой. Передоз... Она пыталась... – Тамара всхлипнула и закрыла лицо руками. – Пыталась покончить с жизнью.

Глава 17

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Комната качнулась, и я, неудачно облокотившись о стол, случайно опрокинула стаканчик с кофе, который так и не попробовала, на пол. Кофе разлился на паркете безобразной лужей и мне показалось, что мой мир рухнул.

— Где она? – голос Медведева был резким, собранным, без тени той нежности, что секунду назад. Он уже переключился в режим хирурга. – Что с ней?

— В реанимации... Давление падает... Пульс нитевидный... – Тамара всхлипывала. – Говорят, нашла какие-то таблочки... Мать её не доглядела...

Я стояла, вцепившись в подоконник, потому что ноги отказывались держать. Перед глазами стояла Аня, живая, горячая, с её сумасшедшими идеями и преданным сердцем. Аня, которая час назад смотрела на меня с ненавистью. Аня, которая сейчас боролась за жизнь где-то в реанимации.

Медведев рванул к двери, но на пороге остановился. Обернулся. Посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, в котором я прочитала казалось все, что можно. И тревогу за жизнь своей недавней студентки, и решимость сделать все, что в его силах, и обещание... которого он не мог мне дать, потому что не был Богом.

И от этого было тяжелее всего.

— Жди здесь, – сказал он. – Я всё сделаю. Я её вытащу. И вышел.

Я осталась одна в разгромленной ординаторской. С разлитым кофе на полу. С запахом его парфюма, всё ещё витающим в воздухе. С мокрыми от дождя стёклами. И с единственной мыслью, пульсирующей в висках: если Аня умрёт, я никогда себе этого не прощу.

Больше не думая, я побежала за Медведевым спасать жизнь своей подруги.

Я вылетела из ординаторской, даже не заметив, как наступила кроссовкой на картонный стаканчик. Ноги несли меня по коридору быстрее, чем я успевала думать. Белые стены сливались в одну сплошную линию, где-то в стороне слышались встревоженные голоса медсестёр, но я ничего не слышала. Только стук собственного сердца, громкий, как набат.

— Красавина, стой! – Медведев схватил меня за руку уже у лифта. – Ты куда?

— С ней! Я должна быть с ней! – пыталась я вырваться из его сильной хватки.

— Там реанимация. Там врачи. Ты будешь мешать.

— Я буду молчать! Я буду стоять в углу! Но я не могу просто сидеть и ждать, когда она... – голос сорвался.

Он посмотрел на меня.

В его глазах была та самая жёсткая решимость, с которой он заходил в операционную. Но сейчас в ней было что-то ещё – тепло, предназначенное только мне.

— Хорошо. Идём. Но ты делаешь всё, что я скажу. Поняла?

Я кивнула, не в силах говорить.

Мы влетели в реанимацию вдвоём. Там уже кипела работа. Медсёстры сновали вокруг, анестезиолог что-то кричал, над койкой, где лежала Аня, горели все лампы.

Она была белая.

Не бледная, а именно белая, как тот халат, что висел на спинке стула. Губы синие, волосы разметались по подушке, и она не дышала. Совсем.

— Интубацию! Быстро! – рявкнул Медведев, скидывая пиджак и натягивая перчатки на ходу.

Я застыла у двери, прижав ладони ко рту.

Аня. Моя Аня.

Та, с которой мы резали трупы на первом курсе и давились от смеха. Та, которая прикрывала меня перед преподавателями. Та, которой я даже не успела сказать, как сильно она мне нужна.

— Давление сорок на двадцать, пульс еле ловится! – крикнула медсестра.

— Атропин, адреналин! – Медведев уже вставлял трубку в горло Ане, и я видела, как напряжены его руки. Никогда раньше я не видела, чтобы у него дрожали пальцы. Сейчас дрожали.

— Есть реакция! – выдохнула медсестра.

Я стояла и смотрела, как он борется за её жизнь. Как

его голос, всегда такой спокойный, срывается на крик, когда нужно подать инструмент быстрее. Как капли пота стекают по его виску, и он даже не замечает.

— Давай, Аня, – шептала я, вцепившись в дверной косяк.
– Давай, миленькая. Ты сильная. Ты справишься.

— Сердце! Сердце останавливается! – закричала медсестра.

— Разряд! – Медведев схватил дефибриллятор. – Всем отойти!

Аня выгнулась на койке и снова обмякла.

— Ещё разряд!

Снова.

И вдруг на мониторе запищало. Ровно. Чётко. Это была жизнь.

Я сползла по стене на пол, закрыв лицо руками. Сквозь пальцы текли слёзы, горячие и солёные.

Я не видела, как Медведев закончил, как отдавал распоряжения, как медсёстры увозили Аню дальше. Я просто сидела и плакала.

Через вечность я почувствовала, как чьи-то руки поднимают меня с пола. Сажает на стул. Вкладывают в ладони стакан с водой.

— Пей.

Я подняла глаза. Передо мной стоял Медведев. Уставший, с красными глазами, в мятой, мокрой от пота рубашке, с пятнами крови на рукавах. Самый красивый человек на земле.

— Она?..

— Жива. Будет жить. Мы успели, – улыбнулся усталой улыбкой победителя.

Я разрыдалась снова, уткнувшись лицом ему в грудь. Он обнял меня, крепко, почти до боли, и гладил по голове, шепча что-то бессвязное, успокаивающее.

— Тш-ш-ш, всё хорошо. Она справится. И ты справишься.

— Это я виновата, – всхлипывала я. – Если бы я сказала ей правду...

— Если бы ты сказала ей правду, – перебил он, взяв моё лицо в ладони и заставляя смотреть на себя, – она бы всё равно ревновала. Она бы всё равно сделала глупость. Ты не можешь отвечать за чужие ошибки, Маша.

— Но...

— Никаких «но». Ты здесь. Ты рядом. Ты будешь поддерживать её, когда она очнётся. Это то, что ей сейчас нужно. А не твоё чувство вины.

Я смотрела в его глаза и постепенно успокаивалась. Ровное биение его сердца под моей щекой действовало лучше любого лекарства.

— Спасибо, – прошептала я. – Спасибо, что спас её.

— Это моя работа, – он улыбнулся устало. – Но ради тебя я бы сделал и больше.

Глава 18

Следующие два дня превратились в один бесконечный, тягучий кошмар, в котором время измерялось не часами, а писканиями аппаратов и сменами медсестёр.

Я почти не уходила из палаты Ани.

Она лежала всё такая же бледная, с трубками в руках и во рту, подключённая к куче приборов, которые пищали, гудели и периодически издавали тревожные звуки. Врачи сказали, что жизнь вне опасности, но организм в шоке, нужно время.

Я сидела рядом, держала её за руку и говорила.

Говорила без остановки, потому что боялась тишины. Рассказывала ей глупые истории с первого курса, пересказывала сюжеты сериалов, которые она любила, читала вслух смешные мемы с телефона.

— Помнишь, как мы на втором курсе перепутали аудитории и пришли на лекцию к стоматологам? – шептала я, поглаживая её холодные пальцы. – А ты ещё громко спросила: «А когда мы будем зубы сверлить?» И тот старый профессор чуть очки не уронил...

Аня молчала. Монитор пищал ровно.

— А помнишь, как ты влюбилась в того интерна из кардиологии? И мы караулили его у лифта три дня, а потом оказалось, что он женат и у него трое детей? Ты тогда сказала:

«Ну хоть опыт, не зря ноги оттоптала»...

Никакой реакции.

— Аня, пожалуйста, — шептала я, когда слёзы начинали душисть. — Очнись. Я тебя умоляю. Я всё тебе объясню. Только вернись.

Но она молчала... и я надеялась только на то, что она меня слышала.

На второй день Медведев зашёл в палату.

Остановился в дверях, глядя на меня, опухшую, нечёсаную, в мятом халате, который я не снимала уже вторые сутки.

— Красавина, — сказал он тихо, чтобы не разбудить тишину. — Выходи.

— Я не могу.

— Можешь. Всего на десять минут. Тебе нужно поесть и помыться. Я распорядился, твои смены пока закрыты другими. Занимайся подругой.

Я подняла на него глаза. В горле стоял ком.

— Спасибо.

— Не за что. Иди.

Я послушно вышла, потому что сил спорить не было. Съела бутерброд, который кто-то сунул мне в руки, выпила кофе, даже не почувствовав вкуса, и вернулась обратно.

К вечеру второго дня я задремала в неудобном больничном кресле, положив голову на край Аниной койки. Мне снилось что-то тёмное и тревожное, а проснулась я от того,

что кто-то тряс меня за плечо.

— Маша. Красавина, – услышала я тихий знакомый голос и резко подняла голову. Это была медсестра из приёмного. – Тебе тут принесли. Распишись.

Я спросонья ничего не понимала. Протянула руку, поставила какую-то закорючку в бланке, и мне вручили ОГРОМНЫЙ букет. Там были белые пионы, розовые розы, какие-то нежные пушистые веточки и зелень. Букет был таким большим, что я его еле удерживала.

— От кого? – спросила я, но медсестра уже ушла, аккуратно закрыв дверь.

Я перерыла весь букет в поисках карточки. Её не было. Вообще никакой записки. Только цветы, пахнувшие весной и жизнью среди этого больничного ада.

И тут внутри меня что-то щёлкнуло.

Я аккуратно поставила цветы в тумбочку, чтобы они не мешали, наклонилась к Ане, поцеловала её в лоб и прошептала:

— Я сейчас вернусь.

А потом побежала.

Я неслась по коридору как угорелая, распугивая медсестёр и пациентов. Влетела в приёмное отделение, потом на второй этаж, потом к ординаторской. Там никого. К кабинетам. Его дверь была приоткрыта.

Я ворвалась без стука.

Медведев сидел за столом и устало растирал переносицу.

Поднял на меня глаза, и в них мелькнуло удивление, быстро сменившееся теплом.

— Красавина... то есть Маша! Что случилось? Карпова? — встревоженным голосом спросил Медведев и поднялся.

Я не дала ему договорить. Я просто прыгнула. Буквально. Подлетела, обхватила его за шею и повисла, чмокнув в губы звонко, от души.

Он охнул, но успел подхватить меня, чтобы мы оба не рухнули на пол.

— Спасибо! — выдохнула я, отрываясь от него и сияя. — Спасибо огромное! Ты не представляешь, как мне это было нужно!

Медведев смотрел на меня с непередаваемым выражением лица. Что-то среднее между изумлением, нежностью и лёгким испугом.

— За что спасибо? — осторожно спросил он, чуть отстраняясь от меня.

— Ну как за что? — улыбнулась я и снова поцеловала его в губы. На этот раз более глубоко. — За то, что ты такой внимательный, нежный и самый-самый.

— Хм... похоже на правду, только вот к чему она?

— Саша, — я отпрянула и посмотрела в глаза, — я благодарю тебя за цветы!

я счастливо рассмеялась.

— Цветы?

— Да. Они такие красивые! Ты даже не представляешь, как

поднял мне настроение!

Он молчал. Секунду. Две. Три.

И вдруг на его губах появилась та самая, медведевская усмешка. Хитрая, тёплая и чуточку виноватая.

— Маша, — сказал он мягко. — Я понятия не имею, о каких цветах речах. Я тебе их не дарил.

Я замерла, всё ещё вися на его шее.

— Что?

— Цветы, — он аккуратно поправил выбившуюся прядь у меня с лица. — Не от меня.

— А от кого? — растерянно спросила я, чувствуя, как краска заливает щёки.

— Понятия не имею. Но раз ты так рада... — он притянул меня ближе и поцеловал сам. Долго. Медленно. Так, что я забыла, где нахожусь и зачем вообще прибежала.

— Может, это не важно, — прошептала я ему в губы. — Главное, что ты здесь. Правда?

Глава 19

Медведев усмехнулся, но в его глазах промелькнуло что-то неуловимое. Что-то, что я не могла прочесть.

— Правда, – ответил он, но в голосе появилась странная нотка. – Хотя мне, если честно, очень интересно, кто это решил осчастливить мою лучшую студентку таким роскошным букетом.

— Твою? – я приподняла бровь.

— Мою. Ты моя лучшая студентка и это факт.

Я рассмеялась и чмокнула его в нос.

— Ревнуешь, товарищ старший ординатор?

— Я? – он изобразил удивление. – Ни в коем случае. Просто профессиональный интерес. Надо же знать, кто из персонала нарушает больничные правила, пронося цветы в отделение реанимации.

— Ах, вот оно что, – я усмехнулась, но в душе стало тепло от того, что этот невозмутимый человек хоть чуточку, но проявляет собственнические инстинкты. Сразу ощутила себя ценной добычей такого мужчины как Медведев.

Мы ещё немного постояли в обнимку, и я вдруг почувствовала, как усталость снова наваливается тяжёлым грузом.

— Мне надо вернуться к Ане, – сказала я тихо. – Вдруг очнётся.

— Иди Маш, – он поцеловал меня в висок. – Я зайду поз-

же.

Я вышла из кабинета и медленно пошла обратно в палату, ощущая, как губы все ещё горят от его поцелуев. Коснулась их пальцами, провела языком. Они были чуть припухшими и хранили вкус его горячих губ. Остановилась, замерла. Посмотрела на дверь ординаторской и вздохнула. Неужели я влюбилась?

Аня очнулась на рассвете.

Я задремала в кресле, когда вдруг почувствовала, как кто-то сжимает мои пальцы. Слабо, едва ощутимо. Я дёрнулась, распахнула глаза и увидела, что Аня смотрит на меня.

Она была ещё очень слаба, губы пересохли, под глазами залегли тени, но она смотрела. Живая. Настоящая.

— Анечка! — я вскочила, чуть не опрокинув кресло. — Аня! Боже мой!

Она попыталась что-то сказать, но из горла вырвался только хрип. Я схватила стакан с водой, приподняла ей голову, дала сделать глоток.

— Тише, тише, не говори ничего, — шептала я, чувствуя, как по щекам текут слёзы. — Ты главное живая. Ты живая, слышишь?

Аня смотрела на меня долго, очень долго. А потом её губы дрогнули в слабой, едва заметной улыбке.

— Дурёха... — сказала она так тихо, что я едва расслышала. — Тоже мне... подруга... ревёшь...

Я рассмеялась сквозь слёзы и прижалась лбом к её плечу.
— Дура ты, Ангина. Я чуть с ума не сошла. Зачем ты так, а? Оставить решила меня? Одну? – всхлипнув прошептала и уткнулась носом в её плечо.

— Прости, – прошептала она. – Спасибо... что была рядом.

Мы проговорили почти час.

Точнее, говорила в основном я, а Аня слушала, изредка кивая или сжимая мою руку. Я рассказывала ей всё. Про больницу, про Медведева, про то, как мы боролись за её жизнь. Она слушала, и в её глазах постепенно таяла та холодная обида, что была там в последний раз, когда мы виделись.

— Прости меня, – сказала я, когда силы закончились. – Я должна была сказать тебе правду. С самого начала, как только познакомилась с ним в баре.

— Проехали, – выдохнула Аня. – Я сама... дура. Напрдумывала себе... невесть что. Вот теперь расхлебываю.

Она замолчала, и я видела, как ей тяжело говорить.

— Отдыхай, – я поправила ей одеяло. – Я рядом. Всегда теперь буду рядом.

Аня закрыла глаза и почти сразу провалилась в сон. Я сидела, держа её за руку, и чувствовала, как внутри разливается облегчение.

Через несколько часов, когда меня буквально выгнали из палаты, чтобы я поела нормально и поспала, я зашла в об-

щую ординаторскую. И замерла на пороге.

На столе, прямо посередине, стояла коробка. Большая, перевязанная атласной лентой. Рядом... букет. Не такой огромный, как первый, но тоже красивый: нежные кремовые розы и фиолетовые ирисы.

— Это опять тебе, – сказала медсестра Тамара, проходя мимо. – Доставили час назад. Красивые, правда?

Я подошла к столу. Открыла коробку. Внутри лежали... мои любимые пирожные макаруны. Розовые, фисташковые, шоколадные. И ни одной записки.

— Ничего себе, – выдохнула я.

— Впечатляет, – раздался мужской голос сзади.

Я обернулась. В дверях стоял Медведев. Спокойный, собранный, но в его глазах я заметила ревнивый блеск.

— Опять без карточки? – спросил он, подходя ближе.

— Опять.

– Может быть на этот раз, это ты? – Я подмигнула Медведеву, пытаюсь сохранить игривое настроение, но он меня не понял. Лишь стал серьезнее.

Он взял коробку в руки, осмотрел со всех сторон, будто надеялся найти секретное послание. Потом поставил обратно и посмотрел на меня.

— И кто же наш тайный поклонник?

— Понятия не имею, – честно сказала я.

— Маша, – он взял моё лицо в ладони, – ты уверена? Может, кто-то из пациентов? Из студентов? Из персонала?

Я рассмеялась.

— Саша, я тут второй год учусь. У меня нет тайных поклонников с деньгами на макарены и ирисы.

— Теперь есть, – мрачно заметил он.

Я хотела снова пошутить, но вдруг увидела, как напряжены его плечи, как сжата челюсть. Он правда переживал. Не на шутку.

— Александр Алексеевич, – я коснулась его руки. – Мне никто не нужен, кроме тебя. Ты же знаешь.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом вздохнул и притянул к себе.

— Знаю. Но я хочу знать, кто это. И хочу, чтобы он знал, что ты занята.

— Занята? – я приподняла бровь. – Это что официальное заявление?

Глава 20

Он не успел ответить, потому что его губы накрыли мои требовательным, почти собственническим поцелуем. Этот поцелуй не был нежным, как раньше. Он был заявлением о правах. Я почувствовала, как его пальцы сжались на моей талии, притягивая так близко, что между нами не осталось даже воздуха.

— Это официальное заявление, – выдохнул он мне в губы, когда мы на секунду оторвались друг от друга. – Ты моя, Красавина. И я хочу, чтобы об этом знали все. Особенно тот, кто решил, что может дарить тебе цветы и дурацкие пирожные.

Я смотрела в его темные и горячие глаза, с той самой хищной искрой, от которой у меня подкашивались колени. Медведев не шутил. Он был готов рвать и метать ради меня. И от этого внутри разливалось тепло, смешанное с лёгким страхом. Это будоражило кровь и определенно мне нравилось.

— Саша, – прошептала я, – ты же понимаешь, что это может быть кто угодно? Даже пациент благодарный.

— Мне плевать, – отрезал он. – Я выясню. И тогда...

— Что тогда? Убьёшь его? – усмехнулась я.

Он посмотрел на меня так, что усмешка застыла на губах.

— Сделаю так, что он пожалеет, что родился на свет. И уж точно пожалеет, что решил смотреть в твою сторону.

— Саша...

— Маша, – он перебил меня, проведя большим пальцем по моей нижней губе. – Я не шучу. Я слишком долго ждал такую, как ты. И я никому не позволю тебя отнять. То что мое – мое. Это закон джунглей.

Я хотела ответить, но в этот момент в кармане моего халата зазвонил телефон. Я машинально посмотрела на экран... бабушка. Сердце пропустило удар.

— Это бабушка, – сказала я, отстраняясь. – Я должна ответить.

Медведев кивнул, но не отпустил меня, только ослабил хватку.

— Алло, бабуль? – я старалась, чтобы голос звучал ровно.

— Машенька, доченька, – голос бабушки дрожал, и у меня внутри всё оборвалось. — Тут такое... Алинку на скорой увезли. Температура под сорок, она дышала тяжело, я испугалась... Врачи сказали, пневмония, надо в больницу. А я... я не знаю, что делать...

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Алина моя младшая сестра. Ей всего двенадцать, она астматик с детства. Любая инфекция для неё это риск.

— Бабуль, тихо, тихо, – сказала я, пытаюсь унять дрожь в голосе. – В какой она больнице? Что говорят врачи?

— В городской, в детском отделении. Говорят, всё серьёзно, Маш. Приезжай, доченька. Я одна не справлюсь.

— Я приеду, бабуль. Обязательно приеду. Жди меня.

Я сбросила вызов и подняла глаза на Медведева. По моему лицу, наверное, можно было читать как по книге.

— Что случилось? – спросил он мгновенно, без тени ревности в голосе.

— Сестра в больнице, — сказала я быстро, почти задыхаясь. — У неё пневмония. Ей всего двенадцать, и у неё астма. Надо срочно ехать.

Голос сорвался, и губы задрожали. Воздух будто закончился.

— Куда ехать-то?

— В Тулу. Часа два на автобусе. Я должна..., — схватила его за руку и посмотрела в глаза. — У нее никого кроме меня и бабушки.

Я замолчала, понимая, что прошу его отпустить меня. Посреди всего этого кошмара с Аней, с работой, с его собственными обязанностями.

Медведев сжал челюсть.

Я видела, как в нём борются два человека — тот, кто хотел запереть меня в клетке и никогда не выпускать, и тот, кто понимал, что сейчас не время для собственнических замашек.

— Когда автобус?

— Не знаю, — закусил губу, пытаясь вспомнить расписание, — обычно они ездят каждые два часа.

— Маша... — он провёл рукой по лицу, устало выдыхая. — Я не могу поехать с тобой. У меня группа студентов, обход, Карпова в реанимации. Я не могу...

— Я знаю, – перебила я, коснувшись его щеки. – Я справлюсь. Ты здесь нужен. А там – я.

Он смотрел на меня долго, очень долго. Потом вдруг схватил в охапку и прижал к себе так крепко, что я пискнула.

— Только береги себя, – прошептал он мне в макушку. – Если с тобой что-то случится, я... я не знаю, что сделаю.

— Ничего не случится, – пообещала я, уткнувшись носом в его грудь. – Я просто съезжу, помогу бабушке, прослежу за Алиной и вернусь.

— Звони мне. Каждый час. Если не ответишь, я приеду, бросив всё.

— Саша...

— Я серьёзно, Маш. Каждый час.

Я подняла голову и посмотрела в его глаза. В них было столько тревоги, столько невысказанных чувств, что у меня сдавило горло.

— Хорошо, – прошептала я. – Каждый час.

Он поцеловал меня в последний раз. Быстро, но жадно, будто пытался запомнить вкус губ. Потом нехотя отпустил.

— Иди. И не забудь взять деньги, документы, тёплые вещи. Там сейчас холодно?

— Саша, я сама...

— Маша. Иди.

Я улыбнулась сквозь слёзы, чмокнула его в щёку и выбежала из кабинета. В голове крутилась только одна мысль: Алинка, маленькая моя, держись. Я уже еду.

Глава 21

Я вылетела из больницы, даже не переодевшись. Всё равно в автобусе никто не обратит внимания на халат. Только накинула куртку и кроссовки.

На спине рюкзак, в голове, только одно: Алина. Моя маленькая Алинка.

На вокзал я прибежала за пять минут до отправления автобуса. Касса, билет, последние наличные, которые нашлись в сумке. Автобус уже стоял на платформе – старенький, обшарпанный «Лиаз», какие ещё ездят в маленькие города.

Я забралась внутрь, плюхнулась у окна и только тогда выдохнула. Рядом сидела какая-то женщина с котом в переноске, сзади дремал старичок. Автобус тронулся, заурчал мотором, и город поплыл за окном.

Я смотрела на проплывающие мимо дома и чувствовала, как наваливается прошлое.

Тула.

Город моего детства. Там, в маленькой квартирке на окраине, прошли мои первые годы. Бабушка с дедушкой воспитывали нас с Алиной, пока мама работала. Мама... она всегда была немного не с нами. Вечно уставшая, вечно в поисках лучшей жизни. Помню родного отца.

Хотя, казалось, лучше бы забыла. Его лицо почти стёрлось из памяти. Остались лишь запах дешёвого одеколона и сига-

рет. Помню, как он кричал на маму, хлопал дверью, а однажды ушёл и не вернулся. Сказал, что встретил другую и теперь у него новая семья. Мы для него стали прошлым.

Мама держалась из последних сил. Ночами плакала, а утром старалась улыбаться. Работала сутками, тащила нас троих – меня, маленькую Алинку и себя. А потом сердце не выдержало. Врачи сказали, инфаркт. А я знала: это от предательства. От того, что её разбили, а склеить обратно уже не получилось.

Мне было тогда четырнадцать. Алине – шесть.

Казалось, после смерти мамы, умерла часть меня.

Дальше были бабушка с дедушкой.

Они вырастили нас, дали всё, что могли. Дедушка, царство ему небесное, умер три года назад. Инсульт. Скорая не успела. Бабушка осталась одна с Алиной, а я уже училась в Москве, приезжала раз в месяц, отправляла деньги, звонила каждый вечер.

И вот теперь моя маленькая Алинка в больнице.

Я прижалась лбом к холодному стеклу.

За окном мелькали берёзы, серые поля, деревеньки с покосившимися заборами. Где-то там, впереди, ждала маленькая сестра, которая считает меня главным человеком в жизни. Которая пишет мне каждый день: «Маш, когда приедешь?», «Маш, я скучаю», «Маш, у меня пятёрка по биологии».

«Маш, не уезжай надолго».

А я уехала. Поступила в медицинский в Москве, оставила их с бабушкой одних. И сейчас меня грызло чувство вины, острое, как скальпель.

Зазвонил телефон. Медведев.

— Ты где? – голос напряжённый, жёсткий.

— В автобусе. Еду.

— Как ты, Маш?

— Нормально, – соврала я. – Доеду и позвоню.

— Маша... – он замолчал. Потом выдохнул. – Я соскучился.

Я замерла. Сердце пропустило удар.

— Что?

— Я скучаю по тебе, – повторил он. – Знала бы ты, как мне хочется всё бросить и быть сейчас рядом. Но я не могу. Не могу оставить Карпову, студентов, отделение. Ты понимаешь?

— Понимаю, – прошептала я, чувствуя, как слёзы снова подступают к глазам.

— Береги себя. Хорошо? Звони.

И сбросил.

Я смотрела на погасший экран и чувствовала, как внутри что-то тает. Твёрдый, холодный комочек, который я носила в груди столько лет, вдруг начал растворяться. «Я скучаю по тебе». Слова, которые я никогда не слышала от мужчины. Ни от отца, ни от своего бывшего, которого не хотелось вспоминать, ни от кого-то ещё.

Автобус тряхнуло на ухабе. Я откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Перед внутренним взором стояла Алина – маленькая, с косичками, в смешных очках. Как она бежит ко мне, когда я приезжаю. Как обнимает за шею и шепчет: «Сестрёнка, я так скучала».

— Я еду, малыш, – прошептала я. – Держись.

Внезапно автобус дёрнулся. Сильнее, чем обычно. Заскрежетало, завывло, и мы резко остановились. Пассажиры загудели, кто-то вскрикнул.

Я вцепилась в спинку переднего кресла, чтобы не вылететь в проход. Сердце на секунду остановилось, а потом забило где-то в горле.

— Что случилось? – закричала женщина с котом.

— Авария! – заорал кто-то сзади. – Мы в кого-то врезались!

Автобус накренился. Я выглянула в окно и увидела – прямо перед нами, смятая в гармошку, стояла легковая машина. Белая «Лада», теперь похожая на консервную банку. Из-под капота валил пар.

Водитель автобуса выскочил наружу, шатаясь. Лицо у него было белое как мел, глаза безумные.

— Я не видел! – закричал он. – Я на секунду... всего на секунду глаза закрыл...

В салоне началась паника. Кто-то плакал, кто-то пытался открыть дверь, кто-то просто застыл с открытым ртом. А я уже не слышала ничего. Я уже бежала.

Мои ноги несли меня к выходу раньше, чем голова успела подумать. Рюкзак полетел на пол, я выскочила на холодный воздух и помчалась к машине.

— Врач! – закричала я, не думая, кому и зачем. – Я врач! Отойдите!

Вокруг уже собирались люди из автобуса, кто-то снимал на телефон, кто-то просто стоял и смотрел. Я заглянула внутрь.

Увиденное выбило воздух из лёгких.

За рулём сидел мужчина. Лет сорока, в пропитанной кровью рубашке. Лицо в порезах от стекла, голова неестественно запрокинута, на лбу — глубокая рваная рана. Рядом, на пассажирском сиденье, женщина. Она смотрела перед собой невидящими глазами и тихо, тоненько выла. На руках у неё ребёнок. Малыш, года три, не больше. Он не плакал. Он вообще не двигался.

— Дверь! – заорала я. – Открывайте дверь!

Кто-то с другой стороны дёрнул ручку, дверь поддалась. Я влезла внутрь, насколько позволяло пространство, и первым делом схватила ребёнка. Положила на траву, припала ухом к груди.

Тишина.

— Нет, нет, нет, – шептала я, нащупывая пульс на тоненькой шейке. – Пожалуйста...

Пульса не было.

— Сердце не бьётся! – крикнула я кому-то, кто стоял ря-

дом. — Вызывайте скорую! СРОЧНО!

Я начала непрямой массаж сердца. Маленькая грудка проваливалась под моими ладонями, рёбра хрустели, но я не могла остановиться. Раз, два, три, четыре... Раз, два, три, четыре...

— Давай, малыш, — шептала я, чувствуя, как по щекам текут слёзы, смешиваясь с кровью с его лица. Давай, дыши. Пожалуйста. Ты не можешь умереть. Ты не можешь...

Рядом кто-то вытаскивал из машины женщину, кто-то пытался помочь мужчине. Я ничего не видела, ничего не слышала, кроме тишины в груди этого ребёнка.

Раз, два, три, четыре...

— Ну же! — закричала я в голос. — Дыши!

И вдруг... слабый, едва заметный толчок под моими пальцами. Ещё один. Ещё.

Ребёнок закашлялся, выгнулся и закричал. Тонко, отчаянно, ЖИВО.

Я откинулась назад и зарыдала. Прямо там, на трассе, в пыли и крови, рядом с искореженной машиной и плачущим ребёнком.

Глава 22

Я сидела на траве, прижимая к себе плачущего ребёнка, и не могла остановить слёзы. Руки дрожали, в ушах гудело, а перед глазами всё ещё стояла та страшная тишина, когда я пыталась нащупать пульс.

— Девушка, вы как? — ко мне подбежал какой-то мужчина, кажется, из нашего автобуса. Лицо расплывалось перед глазами. — Скорая едет, уже вызвали! Держитесь!

Я кивнула, не в силах говорить. Ребёнок всё плакал, и этот плач был самой прекрасной музыкой на свете.

Через несколько минут приехала скорая. Две машины, мигалки, суета. Врачи выскочили, оценили обстановку, начали грузить пострадавших. Ко мне подбежал молодой фельдшер.

— Ребёнка давайте! Что с ним?

Я с трудом разжала руки, передавая ему малыша. Голос сорвался, пришлось прокашляться.

— Я врач, — сказала я хрипло. — Точнее, студентка-медик, четвёртый курс, — соврала я. — У него была остановка сердца, я делала массаж. Сейчас дышит, пульс есть, но нужна полная диагностика, возможны внутренние повреждения.

Фельдшер удивлённо посмотрел на меня, но спорить не стал. Забрал ребёнка, уложил на носилки.

— А вы? — спросил он. — Едете с нами? Нам пригодится

помощь, если вы правда врач.

Я на секунду замерла. Алина. Мне надо к Алине. Но этот малыш... Я не могла его бросить.

— Еду, – решительно сказала я.

В машине скорой было тесно, пахло кровью и лекарствами. Рядом со мной лежал ребёнок, подключённый к капельнице, с кислородной маской на лице. Его мать везли в другой машине, отец был без сознания.

Я взяла его за руку — маленькую, холодную, с синими ноготками. И зашептала, сама не зная зачем:

— Всё будет хорошо, маленький. Слышишь? Ты сильный. Ты справился. Твоя мама поправится, и папа поправится, и вы будете жить долго-долго. Я тебе обещаю. Я врач, я знаю.

Он смотрел на меня сквозь маску, и в его глазах постепенно таял ужас. Или мне просто хотелось так думать.

В больницу мы въехали минут через двадцать. За окнами мелькали незнакомые улицы, какие-то магазины, остановки. Я даже не успела заметить, что это была за больница — просто типовое серое здание, обшарпанное, с кучей пристроек, приёмный покой, суэта.

— Девочка, ты с нами? – крикнул фельдшер, вытаскивая носилки.

— Да!

Я вбежала следом. В приёмном уже суетились медсёстры, кто-то кричал, кто-то бежал с каталкой. Меня никто не спрашивал, кто я и откуда — в такой суматохе это было неважно.

— Хирурга! Срочно хирурга! — закричала толстая медсестра в очках. — У нас двое тяжёлых, один критический!

Я увидела, как мужчину с разбитой головой повезли в операционную. Женщину — в соседнюю операционную. А ребёнка...

— Малышу нужно УЗИ брюшной полости и рентген грудной клетки! — выпалила я, подбегая к медсестре. — У него была остановка сердца на месте аварии, я делала массаж.

— А вы кто? — строго спросила она, окинув меня взглядом с ног до головы. Я представила, как выгляжу: растрёпанная, в окровавленном халате, с разводами грязи на лице.

— Я врач, — соврала я. Ну, почти. Студентка четвёртого курса — почти врач, правда?

— Помогайте тогда. Второго хирурга у нас нет, один в отпуске, второй уже в операционной. Ассистировать сможете?

— Да!

Я даже не думала. Просто побежала за ней.

Операционная была маленькой, провинциальной, но чистой. Оборудование старое, лампы гудят, кафель местами треснул. Мужчина лежал на столе под общим наркозом, хирург — пожилой, уставший мужчина с седыми висками и мешками под глазами — уже делал разрез брюшной полости. Кровь хлестала, салфетки намокали мгновенно.

— Кто это? — рявкнул он, увидев меня. — Не помню, чтобы нанимал ассистента на сегодня.

— Ассистент, — ответила медсестра, уже подавая ему за-

жим. — Больше некого, Иван Петрович. Вся смена занята, а у нас ещё двое в приёмном.

— Чёрт с ним, становись! Перчатки, халат! Руки мойте. Ну вы знаете.

Я кивнула и побежала мыться и одеваться.

Я натянула перчатки, встала напротив. Руки ещё дрожали после всего, но когда я взяла инструмент, дрожь ушла. Тело работало само, на мышечной памяти. Спасибо бесконечным тренировкам в морге, спасибо ночным дежурствам, спасибо Медведеву с его жёсткой школой.

Хирург посмотрел на меня оценивающе.

— Справишься, студентка? Или в обморок упадёшь?

— Справлюсь, — твёрдо сказала я. — Давайте уже работать, Иван Петрович. Кровотечение не ждёт.

Он хмыкнул, но спорить не стал.

Операция длилась два часа. Два часа ада, два часа концентрации, два часа борьбы за жизнь незнакомого человека. У мужчины была разорвана селезёнка, пришлось удалять, и повреждена печень, там накладывали швы с ювелирной точностью. Я подавала инструменты, держала края раны, зажимала сосуды, отсасывала кровь. Руки делали всё сами, на автомате, а в голове было пусто и ясно, как в операционной под лампой.

Хирург сначала поглядывал на меня с сомнением, потом перестал замечать. Просто работал, иногда бросая короткие команды. Медсестра удивлённо качала головой, но молчала.

Когда последний шов был наложен, и на мониторах установился ровный ритм, Иван Петрович выдохнул и снял маску. Лицо у него было мокрое от пота, но довольное.

— Молодец, девочка. Где училась?

— В Москве, – выдохнула я, чувствуя, как адреналин отпускает, и наваливается дикая усталость. – В Сеченовке. На четвёртом курсе.

Он присвистнул.

— А руки уже как у профи. И глаз намётанный. Оставайся у нас, а? У нас хирургов не хватает, такие руки пригодятся.

Я улыбнулась, но улыбка тут же сползла с лица. Алина. Я совсем забыла про Алину.

— Скажите, – спросила я, срывая перчатки, – а у вас тут есть детское отделение? У меня сестра... её сегодня привезли с пневмонией...

— Есть, – кивнула медсестра. – Третий этаж. А ты чего, местная?

— Почти, – я уже бежала к выходу.

Третий этаж. Детское отделение. Я влетела туда, всё ещё в окровавленном халате, с растрёпанными волосами. Медсёстры шарахались от меня, как от привидения.

— Где Красавина Алина? – крикнула я. – Двенадцать лет, пневмония!

— А вы кто?

— Я сестра! Где она?!

— Третья палата, но туда нельзя, у неё...

Я не дослушала. Ворвалась в палату и замерла.

Алина лежала на койке у окна. Бледная, с синевой под глазами, с капельницей в руке, с кислородной маской на лице. Рядом на стуле сидела бабушка, вся в слезах, сжавшаяся в комок. Увидев меня, она вскочила, чуть не уронив стул.

— Машенька! Доченька моя! – и тут же осеклась, увидев мой вид. Глаза её расширились от ужаса. – Господи, а ты что вся в крови? Что случилось?! Ты ранена?

— Потом, бабуль, потом, – я подбежала к Алине, упала на колени перед кроватью, взяла её за руку. Тоненькие пальчики, холодные.

Она открыла глаза. Слабые, мутные, с трудом фокусируясь. Но узнала меня. Улыбнулась едва заметно, уголками губ.

— Маша... приехала... – прошептала она так тихо, что я едва расслышала сквозь маску.

— Приехала, маленькая, – я прижалась губами к её ладони, чувствуя, как по щекам текут горячие слёзы. – Приехала, моя хорошая. Я здесь. Я теперь никуда не уеду.

— Я скучала... – выдохнула она и закрыла глаза, проваливаясь в сон.

Я стояла на коленях, держа её за руку, и слёзы текли и текли, размывая кровь на моём халате. Бабушка тихонько всхлипывала рядом, гладила меня по голове, причитала что-то. А я смотрела на Алину и видела нашу маму, такую же бледную, такую же уставшую в те последние дни. Видела дедушку в гробу. Видела всё, что мы потеряли.

А потом вдруг вспомнила.

Медведев.

Я обещала звонить каждый час. Каждый час, мать его. А прошло уже... сколько? Часа четыре? Пять? Я потеряла счёт времени. На улице уже стемнело, в палате горел тусклый ночник. Сколько же я была без связи?

Я похлопала себя по карманам. Телефона нет. Рюкзака нет. Он остался в автобусе. А автобус...

Вот же зараза!

Глава 23

— Бабуль, – голос сорвался, я с трудом выдавила слова. – У тебя телефон есть? Мне позвонить надо. Срочно.

— Есть, есть, доченька, – бабушка засуетилась, полезла в свою старенькую сумку, которую помнила с детства. Коричневый дерматин, потёртые углы, сломанная молния. — Держи, вот.

Она протянула мне кнопочный телефон, древний, с выцветшим экраном и стёртыми цифрами. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри нарастает паника, ледяная, липкая, вытесняющая воздух из лёгких.

Я не помнила номер Медведева наизусть. Совсем. Если честно, я его даже не запоминала. А зачем? Все же в телефоне записано.

В моём смартфоне, оставшемся в рюкзаке, были все контакты. Тысячи номеров, вся жизнь, все связи. А в голове... только пустота. Я пыталась вспомнить цифры — хоть что-то. 8, потом 9... или 9, потом 8? Нет. Только обрывки, только ощущение, что я должна знать, но не знаю.

— Маш, ты чего? – бабушка смотрела на меня испуганно. — Кому звонить-то хочешь? Может, я знаю? Может, бабушке Нюре? Или тёте Зине?

— Никому, бабуль, – я опустила на стул рядом с Алиной и закрыла лицо руками. Вдох – выдох. Сердце колотится где-

то в ушах. — Я просто... я обещала позвонить... одному человеку. А теперь не могу. У меня в рюкзаке телефон остался. В автобусе, на трассе.

— Мужчине? — бабушка прищурилась, и даже в её возрасте, даже сквозь усталость и слёзы, в глазах блеснул знакомый огонёк. Тот самый, с которым она когда-то встречала дедушку с работы. — Тот про которого ты рассказывала? Хирург?

Я кивнула, не поднимая головы.

Перед глазами стояло его лицо. Его глаза, тёмные и горячие, когда он смотрел на меня. Его голос в трубке несколько часов назад: «Я скучаю по тебе». Его обещание приехать, если что. А я даже не могу сказать ему, где я, что со мной, жива ли.

Он будет звонить. Снова и снова. Сначала сдержанно, потом всё более нервно. Потом начнёт обзванивать больницы, морги, полицию. Потом сядет в машину и поедет искать — не зная куда, не зная, где я. И будет сходить с ума от неизвестности.

— Он будет волноваться, — прошептала я. — Он с ума сойдёт.

— А ты не переживай, — бабушка погладила меня по голове, как в детстве, когда я разбивала коленки и ревела от боли. Её рука была тёплой, шершавой, родной. — Найдётся твой рюкзак. Не иголка в стоге сена. Завтра в полициюходим, в автопарк позвоним. Всё будет хорошо, дочка.

— Он не знает, где я, бабуль. Он не знает даже, в каком я городе. Я не успела сказать. Только про Тулу, но не про эту больницу.

— А мужик, если он настоящий, найдёт, – твёрдо сказала бабушка. – Если у него голова на плечах есть, он найдёт. Если любит, то найдёт.

— Он настоящий, бабуль, – я подняла глаза. – Он самый настоящий. И я... кажется, я люблю его.

Бабушка вздохнула, покачала головой.

— Эх, Машка, Машка... Влюбилась, как я в твоего деда когда-то. Тоже всё бегала, переживала. А он нашёлся. Всегда меня находил.

Алина шелохнулась во сне, сжала мои пальцы. Я посмотрела на неё, бледную такую, худенькую, с тёмными кругами под глазами, с капельницей в вене. Рядом пикал аппарат, измеряя сатурацию, капала капельница, пахло больницей и лекарствами. И вдруг я поняла, что сейчас, в эту минуту, важнее ничего нет. Медведев подождёт. Он сильный. Он справится. А Алина здесь, и ей нужна я.

Я поцеловала её в лоб, прошептала:

– Спи, малыш. Я рядом.

Поправила одеяло, проверила, не пережата ли трубка капельницы. И только тогда, когда она снова задышала ровно, я позволила себе подумать о нём.

Где он сейчас? Что делает? Звонит ли мне снова и снова, срывая голос в пустоту? Или уже сел в машину и едет, не зная

куда, не зная, где искать, сжимая руль так, что кости трещат?

Я сидела, глядя на спящую Алину, и чувствовала, как внутри всё сжимается от беспомощности. Бабушка рядом тихонько вздыхала, гладила меня по плечу своей тёплой, морщинистой рукой.

— Маш, да не убивайся ты так, – сказала она тихо. – Найдётся твой Медведев. Такие мужики не теряются.

— Откуда ты знаешь, какой он? – я усмехнулась сквозь слёзы.

— А по глазам твоим вижу, – бабушка улыбнулась. – У тебя сейчас такой же взгляд был, как у меня когда-то, когда я про твоего деда рассказывала. Помню, мы с ним познакомились на танцах в парке. Он в военной форме был, такой красивый, высокий. Я вся извелась, пока он ко мне подошёл. А потом три года встречались, пока он служил. Письма писал каждый день. Каждый день, Машка! Я их в шкатулке храню до сих пор.

— Вы так любили друг друга, – прошептала я.

— Любили, – бабушка вздохнула, и в её глазах заблестели слёзы. – Сорок лет вместе прожили. И каждый день он меня находил. Даже когда ссорились, всегда первый приходил мириться. Говорил: "Верунчик, ты моя половинка, как я без тебя?" А когда его не стало... – она замолчала, сглотнула комок. – Я три года без него, а всё кажется, что он рядом. Выйду на кухню, а там чай его любимый стоит. Или в огороде грядки пропалываю и слышу, как он меня зовёт: "Варь,

иди обедать".

Я взяла её за руку. Бабушка вытерла глаза краешком платка.

— Так что ты, Маш, за своего держись. Если он такой, как ты говоришь, то он обязательно тебя найдёт. Настоящая любовь всегда дорогу найдёт.

Я смотрела на неё и думала о том, сколько же она пережила. Война, голод, потеря мужа, теперь вот Алина в больнице. А она всё равно держится, всё равно улыбается, всё равно находит силы, чтобы утешить меня.

— Бабуль, а ты не хочешь домой? – спросила я. – Я тут посижу.

— Куда я пойду? – она махнула рукой. – Я тут с вами. Я своё место знаю.

Мы сидели в тишине, слушая, как плачет аппарат и дышит Алина. За окном давно стемнело, в палате было тихо и спокойно. И вдруг меня осенило.

— Бабуль! – я подскочила, чуть не уронив стул. – Бабуль, я знаю, что делать, – уже тише продолжила я.

— Что? – она испуганно уставилась на меня.

— Я же могу позвонить в больницу. В мою московскую больницу. Там же круглосуточный пост, там всегда есть дежурные медсёстры. Я попрошу их передать Медведеву, что я жива и где я.

— А номер-то знаешь? – с сомнением спросила бабушка.

— Номер больницы я знаю! – выпалила я. – Я его сто раз

набирала, он в голове застрял!

Бабушка протянула мне телефон, и я дрожащими пальцами начала набирать. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть кто-то ответит.

— Городская клиническая больница №1, приёмный покой, — раздался усталый женский голос.

— Здравствуйте, — затараторила я. — Это Маша Красавина, студентка второго курса, я прохожу практику в отделении хирургии у Александра Алексеевича Медведева. Мне очень нужно, чтобы ему передали сообщение. Это срочно!

— Девушка, ночь на дворе вообще-то, — недовольно сказала медсестра. — Я не знаю никакого Медведева, я вообще из приёмного...

— Пожалуйста! — взмолилась я. — Это вопрос жизни и смерти! Ну, не жизни, но это очень важно. Передайте в отделение хирургии, чтобы ему сказали: Маша жива, она в Туле, в детской областной больнице, с сестрой. У неё нет телефона, но с ней всё хорошо. Пусть не волнуется! Запишите, умоляю.

— Ладно, ладно, — сдалась медсестра. — Продиктуй ещё раз, я запишу. Тула, детская областная, Маша... как фамилия?

— Красавина! Маша Красавина! И передайте, что я люблю его! — выпалила я и сама покраснела.

Медсестра хмыкнула.

— Романтика у вас, молодёжь. Ладно, передам. Доброй

ночи.

Я сбросила вызов и откинулась на спинку стула, чувствуя, как по щекам текут слёзы облегчения.

— Всё, бабуль. Теперь он узнает.

— Молодец, дочка, – бабушка погладила меня по голове.
– А теперь давай-ка поспи немного. А я покараулю.

Я послушно закрыла глаза, пристроив голову на краю Алининой кровати. В голове крутились мысли о Медведеве, о том, как он получит сообщение, как выдохнет с облегчением, как, может быть, всё-таки сорвётся и приедет. И где-то глубоко внутри, под усталостью и страхом, теплилась надежда.

Глава 24

Медведев

Телефон зазвонил в два часа ночи.

Я рванул к нему, едва не опрокинув чашку с остывшим кофе. На экране высветился незнакомый номер, но не Машин.

Я уже час набирал её снова и снова, срывая голос в пустоту. Сначала спокойно, потом с нарастающей тревогой, потом с отчаянием, которое приходилось запихивать глубоко внутрь, потому что рядом были пациенты, студенты, работа.

— Да? — рявкнул в трубку, даже не поздоровавшись.

— Александр Алексеевич? — голос женский, усталый, с лёгким раздражением. — Это из приёмного покоя. Тут какая-то студентка звонила, просила передать. Красавина, кажется.

Сердце пропустило удар.

— Что с ней? Где она? - я вскочил, заметался по кабинету, сжимая трубку так, что кости захрустели.

— Жива, не волнуйтесь. Сказала, что в Туле, в детской областной больнице. С сестрой. Телефон потеряла, рюкзак в автобусе остался. Просила передать, что с ней всё хорошо и чтобы вы не волновались. И ещё... — медсестра запнулась. — Сказала, что любит вас. Ну, это она так сказала, я просто передаю.

Я замер. Весь мир сузился до этих слов. «Любит вас». Она сказала, что любит. Не «скучаю», не «жду», а именно — любит.

— Спасибо, — выдохнул я, и голос дрогнул, чего не случилось со мной очень давно. — Спасибо вам большое.

— Да не за что, — хмыкнула медсестра. — Вы там это... берегите её, что ли. Редко сейчас такое бывает, чтоб девушки вот так звонили посреди ночи.

Я сбросил вызов и рухнул обратно в кресло. Сердце кололось где-то в горле, руки дрожали. Она жива. Она в безопасности. Она меня любит.

Но адреналин уже сделал своё дело. Мысль о том, что она там одна, без денег, без документов, без телефона, в чужом городе, с больной сестрой, жгла изнутри.

Я посмотрел на часы. Два ночи. До Тулы часа три езды, если без пробок.

Аня в реанимации, но состояние стабильное, врачи сказали, утром переведут в обычную палату. Студенты разобраны по отделениям, дежурный хирург есть, завтра у него выходной по графику.

— Чёрт с ним!

Через десять минут я уже сидел в машине, набирая сообщение заведующему: «Срочные семейные обстоятельства, завтра меня не будет. Отделение на Рыкова».

И выжал педаль газа в пол.

Трасса ночью была пустой, только редкие фуры и его фа-

ры, выхватывающие из темноты белую разметку.

Я гнал, не сбавляя скорости, сжимая руль так, что костяшки побелели. В голове крутилось одно: она там одна. Она там, и ей страшно. И она сказала, что любит.

— Дурак, — прошептал сквозь зубы, стукнув ладонью по рулю. — Надо было сразу с ней ехать. Не надо было отпускать.

Телефон пискнул, сообщение от заведующего:

«Удачи, Александр Алексеевич. Передавайте привет».

Он усмехнулся. Передавать привет. Он собирался сделать кое-что поинтереснее.

Городская детская больница нашлась быстро. Серое трёхэтажное здание с тусклым светом в окнах. Я влетел в приёмный покой, чуть не сбив с ног сонную медсестру.

— Где Красавина Алина? Двенадцать лет, пневмония? — выпалил я, протягивая удостоверение.

— А вы кто? — испуганно спросила она.

— Я из Москвы. Хирург. Мне нужно к сестре пациентки. Срочно.

Медсестра посмотрела на мои красные глаза, на взлохмаченные волосы, и, видимо, решила не спорить.

— Третий этаж, палата триста шесть.

Я не стал ждать лифта. Взлетел по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Сердце колотилось где-то в ушах. Коридор, палаты, цифры на дверях. 306.

Я распахнул дверь и замер.

Маша спала. Сидела на стуле, положив голову на край больничной койки, и спала. Растрёпанная, в окровавленном халате, с разводами грязи на лице, с красными от слёз глазами. Рядом на кровати лежала девочка, бледная, худенькая, с капельницей.

Я стоял в дверях и смотрел на неё. На свою Машу. На свою Красавину. На единственную, ради которой готов был гнать три часа ночью по пустой трассе, бросив всё.

Я тихо подошёл, опустился на корточки рядом с ней. Протянул руку, убрал прядь волос с её лица.

— Маша, — прошептал я.

Она вздрогнула, открыла глаза. Сначала испуганно, потом радостно, узнав кто перед ней.

— Саша? — выдохнула она. — Саша... ты...

— Я приехал, — сказал просто. — Я же обещал.

Она всхлипнула и бросилась мне на шею, чуть не сбив с ног. Я обнял её, прижал к себе так крепко, будто боялся, что она снова исчезнет.

— Ты приехал, — шептала она сквозь слёзы. — Ты приехал, ты приехал, ты приехал...

— Я всегда буду приезжать, — прошептал в ответ. — Всегда, слышишь? Куда бы ты ни уехала.

Рядом завозилась ее сестра. Открыла глаза и посмотрела сначала на меня, потом на Машу.

— Маша... это тот самый? — прошептала она.

Маша оторвалась от него, вытирая слёзы, и улыбнулась

сквозь мокрые щёки.

— Тот самый, Алин. Это Саша. Это мой... — запнулась, посмотрела на меня.

— Это я, — сказал Медведев, глядя на девочку. — Я приехал вашу Машу спасать. И заодно с вами познакомиться.

Алина улыбнулась совсем по-детски, по-счастливому.

— А мне можно вас Сашей называть? — спросила она слабым голосом.

— Можно, — кивнул. — И даже нужно. А теперь спи, маленькая. Мы рядом.

Алина закрыла глаза и почти сразу провалилась в сон. А я повернулся к Маше, взял её лицо в ладони, вытер большими пальцами слёзы с её щёк.

— Ты как? — спросил тихо.

— Теперь хорошо, — прошептала она. — Теперь очень хорошо.

— Я больше никогда и никуда тебя одну не отпущу. Поняла, — сурово произнёс, и посмотрел ей в глаза.

Она улыбнулась и прижалась ко мне, стало тепло. Но на душе, почему то скребли кошки.

Я не сказал ей, что люблю ее, не сказал.

Глава 25

Я проснулась от того, что кто-то гладил меня по голове. Открыла глаза и увидела Сашино лицо, уставшее, небритое, но такое родное, что сердце пропустило удар.

— Доброе утро, соня, – улыбнулся он. – Твоя сестра уже завтрак просит.

Я резко села, чуть не стукнувшись лбом о его подбородок.

Алина сидела на кровати, бледная, но с легким румянцем на щеках. Она с аппетитом ела больничную кашу, словно это был изысканный ресторанный деликатес.

— Маш, тут Саша говорит, что вы сегодня в Москву собираетесь, – прожевывая, сообщила она.

— Вообще-то, – я перевела взгляд на Медведева, мы еще это не обсуждали...

— Обсудили, – перебил он. – Я всё решил. Твоей сестре уже лучше, врачи говорят, что через пару дней выпишут. Бабушка с ней посидит. А тебе завтра на обход, между прочим. Или ты забыла, что ты у нас будущий хирург?

Я закатила глаза.

Ну конечно, он уже всё распланировал..

— Саша, я не могу бросить Алину...

— Маш, – Алина дотронулась до моей руки, – езжай. Правда. Мне уже лучше, бабушка рядом. А ты потом приедешь на выходные. Или мы с бабушкой к тебе приедем, когда

я поправлюсь. Хочу на тебя в Москве посмотреть, в твоей больнице.

Я посмотрела на сестру, потом на бабушку, которая кивала из угла, на Медведева, который смотрел на меня с тем особенным выражением, от которого у меня подкашивались колени. И сдалась.

— Ладно, уговорили.

Сборы были быстрыми. Бабушка вручила мне пакет с пирожками: «Чтоб в дороге не голодали». Алина чмокнула в щёку и прошептала на ухо: «Он замечательный, Маш. Смотри не упусти».

Я смущённо покраснела и обняв сестру, поцеловала ее.

— Держись сестренка, скоро увидимся.

Мы вышли из больницы, и я вдохнула свежий воздух.

Солнце уже поднялось, день обещал быть тёплым. Саша открыл передо мной дверь своей красивой черной машины, которую я видела ещё в тот вечер в баре.

— Садись, Красавина. Прокачу с ветерком.

Я устроилась на пассажирском сиденье и только тогда заметила, что до сих пор нахожусь в этом дурацком окровавленном халате.

— Саша, я похожа на героиню фильма ужасов.

— Похожа, — согласился он, сядя за руль. — На очень красивую героиню фильма ужасов. Давай заедем в магазин. Тебе нужна нормальная одежда.

— У меня денег нет, — честно призналась я. — Они в рюкзаке.

заке остались.

— А у меня есть, — он посмотрел на меня с хитрой улыбкой. — Считай это подарком. За спасение ребёнка. И за то, что я чуть с ума не сошёл этой ночью.

Я хотела возразить, но передумала. В конце концов, он прав. Выглядела я ужасно.

Через полчаса мы заехали в какой-то торговый центр. Саша парковался с видом человека, который точно знает, что делает, а я сидела и смотрела на витрины.

— Идём, — скомандовал он. — Выберешь себе что-нибудь приличное.

Мы зашли в ближайший магазин. Я взяла первые попавшиеся джинсы, футболку и лёгкую кофту, быстро направилась в примерочную и переоделась. Когда я вышла, Саша внимательно посмотрел на меня.

— Ну, уже лучше. Гораздо лучше, — одобрительно кивнул он.

Он расплатился на кассе, и пока я складывала старую одежду в пакет, он куда-то исчез. Через минуту вернулся с двумя стаканчиками кофе в руках.

— Ты кофе с карамелью любишь, если я не ошибаюсь? — протянул мне один.

Я улыбнулась.

— Не ошибаешься.

Мы вышли из торгового центра, и я заметила, что он держит в руках ещё и небольшой пакет из кондитерской.

— Это что?

— Шоколадка. Ты же не завтракала. А бабушкины пирожки попозже съедим.

Я посмотрела на него и вдруг поняла, что влюбляюсь в этого человека всё сильнее с каждой минутой. Даже когда он командует. Даже когда смотрит своим суровым взглядом. Даже когда молчит.

— Саша, – сказала я, садясь в машину. – А ты когда-нибудь отдыхаешь от своего вечного желания всё контролировать?

— Никогда, – серьёзно ответил он. – Но для тебя могу сделать исключение. Иногда.

Я рассмеялась и чмокнула его в щёку.

— Тогда поехали. Показывай, как ты умеешь гонять по трассе.

Он нажал на газ, и мы вылетели со стоянки. За окном мелькали дома, деревья, поля. Я смотрела на дорогу, на его профиль, на уверенные руки на руле, и думала о том, как же хорошо, что он есть. Что он приехал за мной и что он теперь рядом.

Пахло кофе и свежей выпечкой из бабушкиного пакета. Я отломил кусочек пирожка и протянула ему.

— Будешь?

— Я за рулём, – напомнил он. – Но если ты меня покормишь, я готов отойти от этого правила и сделать исключение.

— Смотри, – усмехнулась я, засовывая кусочек пирожка

ему в рот. — Ты сегодня прямо сыплешь исключениями. Так и до полной потери контроля недалеко.

— Только с тобой, Красавина. Только с тобой я готов потерять контроль.

Мы ехали дальше.

Я кормила его пирожками, он пил кофе на светофорах, и в машине играла тихая музыка. И было так хорошо, так спокойно, так правильно, что я боялась даже дышать, чтобы не спугнуть этот момент.

— Знаешь, — сказала я вдруг, — а я ведь думала, что ты не приедешь. Все же у нас такая работа, а еще Аня в реанимации.

— Маша, — перебил он, не глядя на меня. — Когда я понял, где ты и что с тобой случилось, у меня не было сомнений. Я сел в машину и поехал. Потому что так нужно. Даже если это значит гнать три часа ночью по пустой трассе, не думая ни о чём, кроме того, что ты там одна.

Я замолчала. Слова застряли в горле. Потом тихо спросила:

— А почему ты не сказал мне... ну, тогда, в больнице?

— Что не сказал?

— Что любишь? — прошептала я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

Он долго молчал. Потом вздохнул.

— Потому что это слишком серьёзно, Маша. Я не могу говорить такие слова просто так, между делом. Когда я гово-

рю «люблю» – это навсегда. И я хотел, чтобы рядом не было ни больничных стен, ни усталости, ни слёз. Чтобы ты знала – это не под влиянием момента.

Я смотрела на него и чувствовала, как глаза снова начинают щипать.

— Саша...

— Тсс, – он накрыл мою руку своей. – Сейчас просто едем домой. Остальное потом.

Глава 26

Москва встретила нас пробками и серым небом. Саша лавировал между машинами с той уверенностью, которая бывает только у людей, родившихся и выросших в этом городе. Я откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

— Маш, – его голос вырвал меня из полудрёмы. – Скоро будем на месте. Осталось полчаса. Ты не устала?

– Немного, – сонным голосом прошептала, уже предвкушая, как завалюсь в свою кровать и просплю ближайшие сутки. Сутки?! Из-за того, что я уехала к сестре, у меня по графику стоит две смены подряд. Поэтому отдых мне только снится. А сейчас... главное добраться до дома, а остальное не важно.

И вдруг до меня дошло.

— Саша... – я резко выпрямилась, чувствуя, как внутри всё холодеет. – Саша, у меня же ключи в рюкзаке.

Он бросил на меня быстрый взгляд.

— А рюкзак в автобусе, так? – ухмыльнувшись спросил Медведев, итак зная ответ.

— Да, – выдохнула я. – Там всё, Саша. Телефон, документы, ключи от квартиры, деньги, банковские карты. Всё. Я даже не могу попасть в свою квартиру.

Он молчал несколько секунд, переваривая информацию. Потом, не меняя курса, спокойно сказал:

— Тогда мы едем ко мне.

— Что? – я уставилась на него. – Саша, я не могу...

— Можешь, – перебил он. – У тебя нет выбора, Красави-на. Квартира закрыта, документов нет, денег нет. Ты собираешься ночевать на лавочке у подъезда?

— Нет, но...

— Расслабься, – его голос стал твёрже, но в нём появились тёплые нотки. – Мы едем ко мне и это не обсуждается. Ничего страшного с тобой не случится.

— Ладно, – сдалась я. – Только... у меня даже вещей сменных нет.

— Так и быть одолжу тебе свою рубашку, – отрезал он, сворачивая на нужную трассу. — Всегда мечтал увидеть девушку в одной мужской рубашке на голое тело.

— Что? – ахнула я от возмущения и мне кажется, что мои глаза стали размером с куриное яйцо.

– Шутка, Маш. Расслабься.

Я вздохнула и откинулась на спинку кресла. Ну вот, Красавина, доигралась. Едешь к мужчине домой, без вещей, без документов, без возможности сбежать. Бабушка бы сказала: «Сама виновата, дочка».

Его дом оказался в новом жилом комплексе недалеко от центра. Высокий, стеклянно-бетонный, с охраной на входе и дорогими машинами на парковке. Мы поднялись на лифте на четырнадцатый этаж, и он открыл дверь своей квартиры.

Я вошла и замерла.

Внутри было... странно и непривычно. Я почему-то ожидала стерильную чистоту, минимум мебели, всё белое и холодное. А здесь было уютно. Большой диван, заваленный пледами, стеллажи с книгами, на стенах висели фотографии городов, на полу лежал тёплый ковёр. Пахло деревом и его парфюмом.

— Проходи, – сказал он, снимая куртку. – Чувствуй себя как дома. Ванная там, – кивнул в сторону коридора, – на кухне есть всё, что хочешь. Холодильник должен быть забит. А я пока позвоню в автопарк, узнаю про твой рюкзак.

Я кивнула и прошла в гостиную.

Села на диван, проваливаясь в мягкость, и вдруг почувствовала, как сильно устала. Ночь без сна, авария, операция, Алина, дорога – всё навалилось разом.

Через пять минут он вернулся и сел рядом. Коснулся плеча, а потом прижал к себе. Нежно, очень...

— Завтра обещали посмотреть. Скажи спасибо, что ты медик, помогла людям в аварии. Диспетчер сказала, что автобус уже на штрафстоянке, рюкзак должны найти.

— Спасибо, – прошептала я.

Он смотрел на меня. Долго. Пристально. В его глазах было что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание.

— Маша, – сказал он тихо. – Ты даже не представляешь, что я пережил этой ночью.

— Представляю, – рошептала я, чувствуя, как горло сжимается от нахлынувших эмоций. – Я тоже с трудом пережила

эту ночь.

— Я думал, что потерял тебя, — его голос стал глуше, почти хриплым. — Когда не смог до тебя дозвониться, когда понял, что ты не отвечаешь... Никогда в жизни я так не боялся.

— Саша...

Он протянул руку и коснулся моего лица. Нежно, осторожно, будто боялся, что я исчезну.

— Ты даже не представляешь, как я рад, что ты здесь. Живая и здоровая. Рядом со мной.

Я смотрела в его глаза и не могла отвести взгляд.

— Саша, — прошептала я, — поцелуй меня.

Он не заставил просить дважды.

Его губы нежно, но решительно накрыли мои, словно он ждал этого мгновения всю ночь, всю дорогу, всю свою жизнь. Я обхватила его шею руками, прижимая ближе, ощущая, как его пальцы погружаются в мои волосы.

Поцелуй становился всё более страстным, почти отчаянным. Я отвечала с той же силой, обнимая его всем телом и забывая о недавних событиях: нашем приезде, отсутствии вещей, завтрашнем рабочем дне.

Его руки обвивали мою спину, притягивая ближе. Я ощущала, как его сердце бьётся часто и сильно, в унисон с моим.

— Маша, — выдохнул он мне в губы, — ты моя. Только моя. Слышишь?

— Слышу, — прошептала я в ответ.

И поцеловала его снова. Потому что слова были уже не нужны. Потому что всё важное говорили наши губы, жадные до лас руки и отчаянно бьющиеся сердца.

За окном сгущались сумерки, в комнате горел только торшер, отбрасывая тёплый свет. И мы были вдвоём в этом городе, в этой квартире, в этом моменте. И это было правильно. Это было наше время.

Потому что в следующее мгновение, вся наша одежда оказалась на полу.

Глава 27

Я проснулась от того, что солнечный свет пробивался сквозь неплотно задернутые шторы и рисовал золотистые полосы на незнакомом потолке. Тело приятно ныло, в голове была лёгкая, сладкая пустота. Я потянулась и вдруг почувствовала тяжелую руку на своей талии.

Саша. Сашенька. Любимый мой.

Он спал рядом, раскинувшись на спине, и его лицо во сне было таким расслабленным, таким мирным, что у меня перехватило дыхание. Исчезла обычная маска сурового хирурга, исчезла настороженность. Остался просто мужчина. Мой мужчина.

От осознания, что рядом со мной лежал мой любимый мужчина, тонкие волоски на предплечьях поднялись и запустили табун мурашек. Было так хорошо, что казалось, словно я парю...

Я осторожно повернулась, чтобы рассмотреть его. Чуть припухшие от страстных поцелуев губы, легкая щетина, тёмные ресницы, отбрасывающие тень на скулы. Простыня сползла, открывая широкую грудь с тёмными волосками, и я вспомнила, как несколько часов назад прижималась к ней губами, чувствуя бешеный стук его сердца.

Вчерашняя ночь вспыхнула в памяти яркими кадрами.

Как он подхватил меня на руки и унёс в спальню. Его губы

находили самые чувствительные точки на моём теле, вызывая стоны и прогибание. Его руки, такие уверенные в операционной, были столь же точными в ласках. Он шептал моё имя, перемешивая его с самыми нежными фразами, которые я когда-либо слышала. Я отвечала ему, забыв обо всём, погружаясь в вихрь страсти и нежности.

Я улыбнулась своим воспоминаниям и осторожно коснулась пальцами его щеки. Он пошевелился, что-то пробормотал, и вдруг открыл глаза.

Секунду он смотрел на меня непонимающе, а потом улыбнулся. Такой тёплой, такой открытой улыбкой, от которой у меня внутри всё растаяло.

— Доброе утро, красавица, – хрипловато со сна прошептал он и притянул меня к себе для поцелуя.

Мы целовались медленно, лениво, смакуя это утро, эту близость, это счастье быть вдвоём.

— Сколько времени? – выдохнула я, когда мы оторвались друг от друга.

— Не знаю, – он лениво потянулся к тумбочке за телефоном. – Ого! Половина девятого.

— Саша! – я села на кровати, прижимая простыню к груди. – У меня же смена в десять!

— Успеешь, – он потянул меня обратно. – Ещё есть время.

— Нет, правда, мне нужно в душ и вообще...

— Ладно, – он вздохнул и сел. – Иди в душ. А я пока приготовлю завтрак. Что ты любишь?

— Всё, — честно призналась я. — Я очень голодная.

— Тогда омлет и кофе. Иди.

Я выскользнула из спальни и направилась в ванную. Горячая вода смывала остатки усталости, а в голове крутилось одно:

«Неужели это всё на самом деле? Неужели он действительно мой?»

Через полчаса, завёрнутая в большое махровое полотенце, я вышла в гостиную. Саша стоял на кухне у плиты, в одних домашних штанах, и сосредоточенно взбивал яйца. Я остановилась в дверях, любуясь игрой мышц на его спине.

— Красавина, если ты будешь так на меня смотреть, мы рискуем остаться без завтрака, — не оборачиваясь, сказал он.

Я рассмеялась.

— А что, если я не против остаться без завтрака?

Он обернулся, и в его глазах зажглись знакомые искры. Поставил миску на стол, подошёл ко мне, обнял, прижимая к себе.

— Ты невыносима, — прошептал он, целуя меня в висок.

— Знаю.

В этот момент раздался звонок в дверь.

Мы замерли. Саша нахмурился.

— Кого это принесло? — пробормотал он, отпуская меня. — Я никого не жду.

— Может, не открывать? — предложила я, чувствуя смутную тревогу.

— Наверное, курьер. Я заказывал продукты, — он пожал плечами и направился к двери.

Я осталась стоять в проёме кухни, кутаясь в полотенце. Почему-то внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия.

Саша открыл дверь.

На пороге стояла женщина.

Высокая, ухоженная, с идеальным макияжем и волосами, уложенными в безупречную причёску. На ней было дорогое пальто и туфли на каблуках, явно не для прогулки по городу. Она смотрела на Сашу с такой уверенностью, будто имела полное право здесь находиться.

— Алекс, — сказала она, и её голос был низким, грудным.
— Привет, милый. Не ждал?

Саша замер. Я видела, как напряглась его спина.

— Кира? — в его голосе не было радости. Только удивление и... что-то ещё. Что-то, отчего моё сердце пропустило удар. — Ты что здесь делаешь?

— Решила навестить тебя, — она шагнула в квартиру, даже не спросив разрешения, и вдруг увидела меня.

Её взгляд скользнул по мне, по моим мокрым волосам, по полотенцу, в которое я куталась, по моему растерянному лицу. И в этом взгляде мелькнуло что-то хищное.

— А это что за... — она сделала паузу, подбирая слово, и улыбнулась той улыбкой, от которой у меня похолодело внутри. — Алекс, ты решил развлечься? А почему не предупредил, что у тебя дома будет... как бы это помягче... жен-

щина лёгкого поведения?

— Кира, замолчи, – резко сказал Саша, но она уже прошла мимо него в гостиную, приближаясь ко мне.

— Милочка, – обратилась она ко мне, смерив взглядом с ног до головы. – Собирай свои вещи и убирайся. Пока я не вызвала полицию и не написала заявление о проникновении в чужое жилище.

— Вы кто? – выдавила я, чувствуя, как земля уходит из-под ног. – Кто вы такая? Мама Саши?!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.